

ШИЛЬДЕРЬ

2791

Графъ Ланжеронъ. К

графъ Александръ Ѳеодоровичъ Ланжеронъ родился во Франціи въ 1763 году, а въ 1777 году поступилъ прапорщикомъ въ королевскую гвардію и посланъ въ Америку въ составъ отряда, отправленнаго для помощи Сѣверо-Американскимъ Штатамъ. Въ началѣ французской революціи (1789 года) полковникъ Ланжеронъ перешелъ въ русскую службу, въ Сибирскій гренадерскій полкъ. Въ 1790 году, въ войнѣ противъ шведовъ, командовалъ канонерскими шлюпками второй дивизіи и за отличіе при Біоркѣ получилъ Георгія 4-й степени. Въ томъ же году, въ войнѣ съ Турціей, за отличіе при штурмѣ Измаила награжденъ золотой шагой ¹⁾. По окончаніи войны Ланжеронъ былъ волонтеромъ при войскахъ союзниковъ, дѣйствовавшихъ противъ Франціи во время первой коалиціи. Въ 1797 году, уже въ царствованіе Павла I, онъ былъ произведенъ въ генераль-маіоры и скоро въ генераль-лейтенанты, съ назначеніемъ начальникомъ Оренбургской инспекціи, а въ 1800 году — Брестъ-Литовской. Въ 1805

¹⁾ Въ реляціи сказано: «Королевской французской службы полковника графа Ланжерона, оказавшаго отъѣнную неустрашимостьъ въ атакахъ непріятеля» (см. Н. Орловъ: «Штурмъ Измаила Суворовымъ въ 1790 году», стр. 170).

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І. М. Мечникова

году принималъ участіе въ войнѣ русскихъ и австрійцевъ противъ Наполеона и начальствовалъ одной изъ колонъ въ сраженіи при Аустерлицѣ. Съ 1807 по 1812 годъ состоялъ въ русской арміи, которая вела войну въ Турціи, при чемъ въ 1809 году разбилъ непріятели при Фрасинѣ; въ 1810 году ему сдалась Силистрія, а при Дерекіой (недалеко отъ Шумлы) Ланжеронъ поразилъ непріятельскій отрядъ и за это получилъ Георгія 3-й степени; за послѣдовавшіе бои произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи. Въ 1812 году, во время отечественной войны, онъ командовалъ корпусомъ въ Дунайской арміи Чичагова. Въ 1813 году, за участіе въ покореніи Торна, Ланжеронъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 2-й степени; его корпусъ вошелъ въ составъ Силезской арміи Блюхера. За послѣдовавшія сраженія онъ получилъ вензель на эполеты и 30 тысячъ рублей ассигнаціями, а за взятіе Монмартрскихъ высотъ подъ Парижемъ (въ 1814 г.) — орденъ Св. Андрея Первозваннаго. Съ 1816 года Ланжеронъ былъ управляющимъ Новороссійскимъ краемъ, главнымъ начальникомъ Бугскихъ и Черноморскихъ казаковъ и всей пограничной стражи. Въ 1822 году онъ получилъ увольненіе къ заграничнымъ минеральнымъ водамъ, но въ 1828 году уже участвовалъ блестящимъ образомъ въ войнѣ съ Турціей, за что пожалованъ шефомъ Рязскаго пѣхотнаго полка и пушкой, изъ числа взятыхъ имъ въ крѣпости Кале. Въ концѣ кампаніи, по болѣзни, покинулъ военное поприще; скончался въ 1831 году.

Образцовый офицеръ, храбрый, съ выдающимся военнымъ талантомъ, Ланжеронъ былъ о самомъ себѣ очень высокогнѣнія, а русскихъ генераловъ (исключая, конечно, Суворова) онъ просто презиралъ. Во время осенняго похода 1813 года, когда Ланжеронъ командовалъ корпусомъ въ Силезской арміи Блюхера, онъ не признавалъ его авторитета, дѣйствовалъ иногда по своему усмотрѣнію и нерѣдко впа-

далъ въ противорѣчія съ командующимъ Силезской арміей, что, разумѣется, вредило дѣлу.

Высокимъ сомнѣніемъ проникнуты также весьма интересные и важныя въ историческомъ отношеніи записки Ланжерона „Journal des campagnes faites au service de la Russie, par le comte de Langeron“. Онъ началъ ихъ составлять въ 1796 году, но въ 1824 г. и въ послѣдующіе снова перечиталъ и дополнилъ примѣчаніями, при чемъ первоначальный текстъ сохраненъ въ неприкосновенности. Ланжеронъ писалъ честно, желая придать своему разсказу полную правдивость, поэтому, если встрѣчаются невѣрности, то онѣ должны быть отнесены на счетъ источника, откуда авторъ почерпнулъ свои свѣдѣнія; относительно же его критики другихъ, часто весьма рѣзкой и ядовитой, нужно имѣть въ виду особенности характера иностранца и при чтеніи вводить соотвѣтствующую поправку. Во всякомъ случаѣ записки эти чрезвычайно интересны, а въ историческомъ отношеніи представляютъ серьезный документъ.

На послѣдующихъ страницахъ помѣщается переводъ части записокъ Ланжерона, касающихся переправы Наполеона черезъ р. Березину въ 1812 году¹⁾. Это талантливо изложенный разсказъ о событіяхъ 1812 года на р. Березинѣ и далѣе вплоть до перехода французами нашей границы.

Нельзя сказать, чтобы авторъ былъ вполне безпристрастенъ къ дѣйствующимъ лицамъ: разсказъ насквозь пропитанъ глубокой ненавистью къ Наполеону и Чичагову. Первое можно объяснить любовью Ланжерона къ новому своему отечеству, которая сильно сквозитъ въ его запискахъ; причину же ненависти къ Чичагову надо искать въ томъ, что честолюбивый („второй генералъ въ арміи“, какъ онъ часто называетъ себя въ этихъ запискахъ) графъ Ланжеронъ съ

¹⁾ Статья снабжена примѣчаніями двухъ родовъ: неподписанныя — принадлежатъ самому Ланжерону, подписанныя «Редакт.» — принадлежатъ редакціи.

трудомъ выносилъ надменное и презрительное обращеніе адмирала, не желавшаго ни у кого спрашивать совѣтовъ. Однако, главное, такъ сказать, „гвоздь“ всей Березинской операціи, а именно причины ея неполнаго успѣха для русской арміи, выражено въ запискахъ довольно ясно. Этими причинами были: чрезчуръ медленное и осторожное преслѣдованіе французовъ Кутузовымъ, позднее прибытіе Витгенштейна къ р. Березинѣ изъ-за нежеланія поступить подъ команду Чичагова и ошибка этого послѣдняго — движеніе его къ Шибашевичамъ, въ противоположную сторону отъ мѣста переправы. Болѣе близкой причиной было незанятіе Зембинскаго дефиле, въ чемъ вина падаетъ опять же на Чичагова и генерала Чаплица.

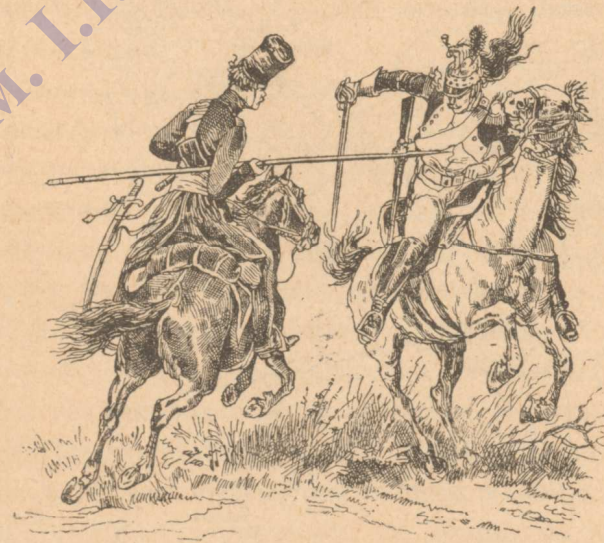
Кромѣ изложенія событій, записки интересны еще тѣмъ, что даютъ біографіи многихъ изъ дѣятелей Отечественной войны, а также рисуютъ отношенія, существовавшія между ними. Читаются записки легко, а подчасъ и съ захватывающимъ интересомъ: видно что авторъ все это пережилъ и почувствовалъ.

Березинская операція въ войну 1812 г.

Записки графа Ланжерона.

(Переводъ съ французской рукописи).

Подъ редакціей К. Менскаго.

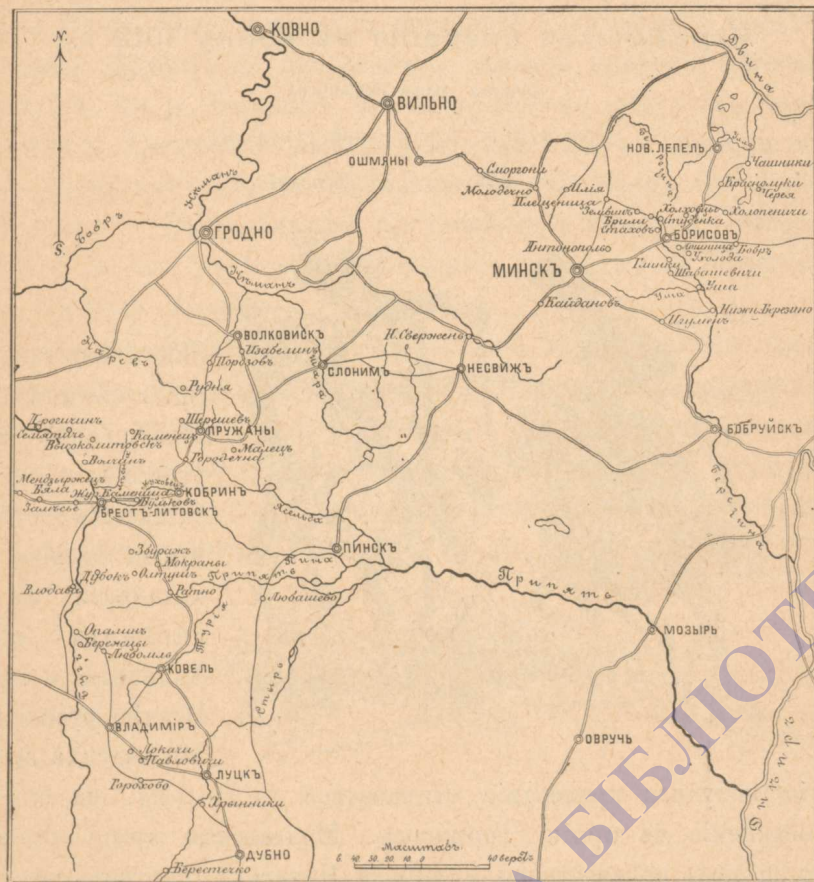
Заклучивъ такъ счастливо и такъ встать миръ съ турками и отказавшись отъ мысли въ необходимости экспедиціи въ Далмацію и въ Италію, русская Молдавская ар-

мія получила приказаніе отправиться въ Польшу, на присоединеніе къ арміи Торماسова. Молдавская армія была тогда подъ начальствомъ адмирала Чичагова, портретъ котораго мнѣ придется нарисовать еще разъ. Я уже писалъ о немъ въ журналѣ Турецкой кампаніи 1812 г. для того, чтобы приготовить читателя не удивляться всѣмъ ошибкамъ, которыя произошли въ этой войнѣ.

Чичагову было тогда 45 лѣтъ; онъ былъ довольно болтливъ — что принимали за умъ, но серьезнаго образованія онъ

не получилъ и вообще былъ человекъ довольно поверхностный. Его голова была цѣлымъ вулканомъ; онъ готовъ былъ ежеминутно выдумывать все новые и новые проекты и, не желая

Карта для объясненія дѣйствій Дунайской арміи Чичагова въ 1812 г.

понять, что проекты неосуществимы и бессмысленны, требовалъ немедленнаго ихъ исполненія. Въ своихъ корпусахъ онъ не терпѣлъ ни опроверженій, ни опозданій и, въ этомъ, онъ очень походилъ на Императора Павла.

У него не было ни одной правильной идеи, а крутость его нрава и чрезмѣрность самолюбія не позволяли ему ни

выслушивать, ни принимать ничего совѣта, онъ только упрямо слѣдовалъ заблужденіямъ своего сумасбродства. О людяхъ онъ судилъ такъ же, какъ и о событіяхъ, и никогда не выходилъ изъ своего предубѣжденія. Онъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, былъ морскимъ министромъ въ Россіи и успѣлъ разрушить флотъ. Онъ не имѣлъ никакого понятія о службѣ на сушѣ и его невѣдѣніе ни нашей организаціи, ни нашихъ маневровъ, дѣлало его смѣшнымъ передъ всей арміей.

Характеръ Чичагова вполне гармонировалъ съ его умомъ; онъ былъ сухой, неблагодарный и грубый и въ его сердцѣ сосредоточивались всѣ пороки такъ же, какъ въ его головѣ всѣ безумства.

Иногда онъ представлялъ изъ себя то какого-то фанатическаго обожателя англичанъ, а то вдругъ дѣлался страстнымъ поклонникомъ французовъ. У него было только одно чувство, которое, кажется, никогда не колебалось—это его всегдашнее презрѣніе и ненависть къ своей націи; ненависть, которая не уничтожилась даже тогда, когда тѣ ужасныя обстоятельства, въ которыхъ находилась въ это время Россія, заставили развернуться характеры ея жителей и ея арміи... когда они этимъ заслужили всемірное восхищеніе и похвалу.

Чичаговъ, тѣмъ не менѣе, обладалъ однимъ очень дорогимъ качествомъ—онъ былъ честенъ и въ этомъ отношеніи очень щепетильно относился не только къ себѣ, но и къ другимъ.

Трудно придумать тѣ причины, которыя заставили Государя довѣрить свою армію этому адмиралу, особенно при такихъ критическихъ обстоятельствахъ. Если бы Чичаговъ обладалъ даже природными талантами, необходимыми для командованія войсками на сушѣ, то, какъ адмиралъ, онъ никогда не могъ бы дѣйствовать правильно, ибо не приобрѣлъ опыта, который такъ цѣнится въ военной службѣ.

Думали, что такъ какъ нашу армію хотѣли сначала

послать въ Далмацію, для дѣйствій съ англійскимъ флотомъ, то поэтому и выбрали командующимъ арміей Чичагова. Но онъ былъ настолько же плохой морякъ, насколько и плохой генералъ на сушѣ, и, если бы только проектированная экспедиція удалась, мы бы, съ подобнымъ начальникомъ, потерпѣли большое несчастье ¹⁾).

Оставивъ, въ концѣ іюля, Бухарестъ, мы съ большими трудностями перешли Молдавію и Валахію ²⁾, 26-го авг. (7-го сент.) (въ день Бородинскаго сраженія) переправились черезъ р. Сереть, а на другой день черезъ Днѣстръ. Выйдя изъ Каменики, мы начали торопиться (пѣхота была посажена на повозки), чтобы нагнать армію генерала Торماسова передъ Дубно и Лудкомъ, 5-го (17-го) сентября прошли Дубно, а 8-го (20-го) мы уже всѣ собрались на р. Стырь.

Въ нашей соединенной арміи насчитывалось старыхъ, прекрасныхъ солдатъ, носящихъ оружіе, болѣе 60 т. человекъ. У Шварценберга же, который стоялъ противъ насъ,

¹⁾ (1827 г.) Думали также, и можетъ быть не безъ основанія, что это произошло такъ: когда Чичаговъ возвратился изъ Парижа, Государь сталъ къ нему очень благоволить. Когда объ этомъ узналъ графъ Аракчеевъ, который не могъ терпѣть соперниковъ въ милости своего Повелителя, онъ испугался этой близости Чичагова къ Государю и сталъ ходатайствовать, чтобы адмиралу дали армію. Такимъ образомъ онъ удалил его изъ Петербурга. Послѣ войны съ французами, Чичаговъ, опечаленный, съ пенсіей въ 60 т. руб., уѣхалъ на жительство въ Парижъ и тамъ вполне предался либерализму, продолжая поносить все русское: и своего Повелителя, и свою родину.

²⁾ Въ дорогѣ у насъ произошелъ переполохъ, который былъ причиною нашего опозданія. Жители Молдавіи, изъ которыхъ многіе съ сожалѣніемъ разставались съ нами, и поляки, по другимъ причинамъ, распространили слухъ, что будто австрійцы собрали войска въ Трансильваніи и хотятъ атаковать колонны генераловъ Булатова и Войнова, которыя шли черезъ Ромень по австрійской границѣ. Этотъ слухъ не имѣлъ никакого основанія. Австрійцы имѣли смѣлость доставить Наполеону корпусъ въ 30 т. чел., объявивъ себя совершенно безпристрастными.

Тѣмъ не менѣе, проходя около Владиміра и Любомля, намъ пришлось защищать ихъ отъ нашихъ казаковъ, чтобы они не разрушили ихъ территоріи. Въ м. Берестечко намъ пришлось встрѣтиться съ австрійскимъ гарнизономъ и убѣдиться въ ихъ желаніяхъ, которыя они не скрывали отъ насъ.

было всего до 40 т. человекъ. Главная квартира генерала Торماسова была въ Лудкѣ. Его армія, тогда еще очень сильная, числомъ 35 т. чел., была притянута къ Бугу австрійскими войсками генерала-отъ-кавалеріи Карла Шварценберга, главная квартира котораго находилась въ Ковелѣ.

Сначала у Шварценберга состояло 30 т. австрійцевъ, 10 или 12 тысячъ саксонцевъ, подъ командою французскаго генерала Ренье, и отъ 3-хъ до 4-хъ тыс. поляковъ. Послѣдніе, большею частію рекруты и крестьяне, плохо одѣтые и плохо вооруженные; ими командовалъ генералъ Косинскій.

Среди всѣхъ ошибокъ, совершенно непонятныхъ, которыя сдѣлалъ Наполеонъ въ продолженіе своей кампаніи въ Россію, какъ на особенно важную можно указать на ту, что онъ оставилъ позади себя двѣ иностранныя арміи. Онъ не могъ не знать, что то вліяніе и ужасъ, которые внушали его имя и могущество, были единственными рычагами, заставлявшими воевать за него австрійцевъ (хотя онъ былъ женатъ на дочери австрійскаго императора) и пруссаковъ. Уничтоженные и поработанные военными успѣхами Наполеона, пруссаки, въ то же время, внушали ему безпокойство, что въ случаѣ какого-нибудь несчастья, союзники могутъ возстать противъ него и преградить ему путь черезъ Германію. Это могло бы случиться, если они не находились бы такъ долго въ невѣдѣніи о злополучномъ бѣгствѣ Наполеона изъ Москвы. Гюргъ покинулъ его, но довольно поздно, такъ что это уже не могло имѣть большого вліянія на судьбу Наполеона. Когда прусскій генералъ отложился отъ союза съ Франціей, Наполеонъ былъ на пути въ Парижъ. Шварценбергъ остался вѣренъ ему, чего никакъ нельзя было ожидать. Наполеонъ не только не хотѣлъ предвидѣть какого-либо бѣдствія, но онъ ожидалъ отъ своихъ войскъ и знаменъ только славы.

Онъ, пожалуй, имѣлъ бы еще болѣе успѣха, если бы его не оставило прежнее обладаніе могущества, а главное—осто-

рожности, необходимой для своей защиты. Онъ долженъ былъ взять съ собой Шварценберга, въ качествѣ заложника, чтобы тѣмъ предотвратить случай съ Йоркомъ; затѣмъ послать противъ Торماسова Понятовскаго съ его французскимъ корпусомъ и преданной ему польской арміей, которая могла бы быть полезна на Волыни и укомплектоваться тамъ рекрутами. Тогда австрійцамъ не удалось бы пользоваться этимъ краемъ, гдѣ они были болѣе ненавистны, чѣмъ русскіе. Тутъ Наполеонъ поступилъ совсѣмъ неполитично и неразумно. Вообще въ этой кампаніи онъ стоялъ значительно ниже прежняго Бонапарта.

Несмотря на то, что Тормасовъ служилъ прежде подъ начальствомъ кн. Шварценберга, онъ такъ счастливо дѣйствовалъ противъ него теперь, что кампанія эта дѣлаетъ ему большую честь. Онъ началъ войну разбитіемъ и взятіемъ сильнаго отряда саксонцевъ въ Кобринѣ, числомъ отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ человѣкъ; при чемъ отбилъ у противника 8 пушекъ. Затѣмъ, въ Городечно, онъ принялъ генеральное сраженіе, успѣхъ котораго уравновѣшивалъ потери обѣихъ сторонъ, хотя Шварценбергъ имѣлъ на 10 т. чел. болѣе¹⁾. Послѣ этого сраженія Тормасовъ удалился къ р. Стырь.

Это отступление ему приказано для того, чтобы, во первыхъ, не очень подвергаться нападенію непріятеля, который гораздо сильнѣе насъ, а во вторыхъ, чтобы приблизиться къ молдавской арміи и въ то же время собрать подати съ Волынской и Подольской губерній.

Эти двѣ губерніи находились тогда въ большомъ волненіи. Наполеонъ возвѣстилъ возстановленіе Польши; онъ призывалъ націю къ борьбѣ за свободу и вся польская армія была съ нимъ. Поэтому нельзя было ни удивляться, ни раздра-

¹⁾ Союзники имѣли 42 т., а русскіе 32 т., но артиллерія русскихъ превосходила числомъ непріятельскую.

жаться, глядя на поляковъ, которые, будучи подъ гнетомъ русскаго ига (?), воспользовались стеченіемъ обстоятельствъ, дѣлавшихъ больше чести политикѣ, нежели нравственности и лелѣяли въ себѣ надежду, при удобномъ случаѣ, свергнуть иго своихъ притѣснителей, снова занять свое прежнее мѣсто, среди націй и возстановить родину¹⁾.

Необходимо было слѣдить за ними, чтобы они не вредили намъ, а также помѣшать имъ вооружаться.

Итакъ, политика съ ними была очень трудна, но ее отличновель графъ Сенъ-При, тогдашній губернаторъ Подоліи. Онъ, за свой умъ и человѣчность, приобрѣлъ уваженіе и благодарность всѣхъ подольцевъ.

Волынской губернаторъ Комберлей²⁾ вель себя совсѣмъ не такъ умно и осторожно; онъ многихъ арестовывалъ и заслужилъ недовольство всего польскаго дворянства. При немъ многіе эмигрировали; могло бы произойти даже возстаніе, если бы не прибытіе Молдавской арміи, которая бытъ можетъ и остановила его.

Мы говорили уже, что наша армія, соединенная съ ар-

¹⁾ Тѣмъ не менѣе, уклончивый отвѣтъ Наполеона, данный Варшавской депутаціи, и настойчивость, съ которой онъ хотѣлъ непременно оставить Галицію австрійцамъ, нѣсколько охладилъ ихъ усердіе и уменьшили надежды. Наполеонъ говорилъ про поляковъ, что они не годились для исполненія его видовъ. Это, говорилъ онъ, народъ храбрый и полный энтузіазма, но легкомысленный и увлекающійся; все у нихъ совершается по фантазіямъ и ничего по системѣ. Эта нація носить свое разрушеніе въ своемъ характерѣ.

Императрица Екатерина II говорила, что каждый полякъ носить свою республику съ собой. Она могла бы прибавить, что, къ своему несчастію, они носили съ собой также интриги и анархію.

²⁾ Комберлей былъ грекъ и, какъ говорятъ, внукъ еврея. Его характеръ и любовь къ наживѣ вполне подтверждаютъ его происхожденіе. Единственное достоинство, которымъ онъ обладалъ,—было его красивое лицо. Въ молодости онъ сильно прислуживался Попову, этому замѣчательному секретарю кн. Потемкина, и снискалъ его довѣріе.

Комберлей умеръ всѣми покинутый и обезчещенный. Его судили за покровительство въ своей губерніи контрабандѣ, хотя онъ самъ по себѣ имѣлъ огромное состояніе, приносившее до 200 т. дохода ежегодно.

мией Тормасова, имѣла въ своихъ рядахъ болѣе 60 тысячъ прекрасныхъ солдатъ, которые участвовали въ турецкой войнѣ и перенесли не только всѣ тяжести нѣсколькихъ кампаній, но и вредное вліяніе нездороваго климата.

Наши генералы и офицеры, за послѣднія 7—8 кампаній, приобрѣли много опытности, такъ что про всю эту армію, называемую восточной, можно было сказать, что она была лучшей въ Европѣ. Какъ только арміи соединились, рѣшено было перейти р. Стырь и начать наступательныя дѣйствія.

8-го (20-го) сентября я прибылъ въ Хрынники. Графъ Ламбертъ, командовавшій кавалеріей, перешелъ р. Стырь ночью на 8-е (20-е) сентября. Сень-При окружилъ австрійскій кавалерійскій полкъ Д'Орели, атаковалъ его и отнялъ всѣ штандарты, которые, впрочемъ, Государь велѣлъ тотчасъ же возвратить австрійцамъ и отправить въ Вѣну ¹⁾.

9-го (21-го) сентября я отправился въ м. Берестечъ, на австрійскую границу, а 10-го (22-го) перешелъ р. Стырь.

Корпуса Эссена, Войнова, Булатова, графа Ламберта и др. перешли Стырь въ разныхъ мѣстахъ, а главная квартира въ самомъ Луцкѣ.

Какъ только мы двинулись впередъ, Шварценбергъ тотчасъ же удалился въ Любомль.

Я сдѣлалъ очень большой ночной переходъ и только въ 2 ч. утра прибылъ въ Горохово, въ замокъ сенатора Островскаго ²⁾, въ то время отсутствовавшаго.

¹⁾ Генераль Богдановичъ кавалерійское дѣло въ ночь на 9-е (21-е) сентября приписываетъ графу Ламберту, а не Сень-При, который, по свидѣтельству самого же Ланжерона, въ это время былъ подольскимъ губернаторомъ. (Исторія Отечественной войны въ 1812 г. Т. II, стр. 443—444).

Редакт.

²⁾ Тутъ-то я и узналъ о бородинскомъ сраженіи, объ отступленіи Кутузова и о походѣ французовъ къ Москвѣ. Одна англичанка, жившая въ домѣ Островскаго гувернанткой, сказала мнѣ подычайшимъ секретомъ, что поляки, находившіеся въ деревнѣ, еще наканунѣ, праздновали побѣду подъ Бородинымъ и взяли Москву. Я сейчасъ же извѣстилъ объ этомъ Чичагова, но онъ мнѣ холодно отвѣтилъ, что его нисколько не удивляетъ потеря русскими сраженія противъ французовъ.

11-го (23-го) сентября я шелъ всю ночь и прибылъ въ Локачи 12-го (24-го) числа. Здѣсь всѣ корпуса соединились.

Кавалерія нашего авангарда имѣла дѣло съ противникомъ подъ с. Павловичами, а другая часть ея—подъ Локачами. Бывшій противъ насъ польскій корпусъ принужденъ былъ отступить съ большими потерями.

Обѣ соединенныя наши арміи поступили подъ начальство адмирала Чичагова, а Тормасовъ получилъ приказаніе прибыть къ арміи Кутузова. Мы съ большимъ сожалѣніемъ разстались съ нимъ, тѣмъ болѣе, что начальникомъ нашимъ сталъ Чичаговъ.

Шварценбергъ, продолжая отступать, занялъ Любомль, гдѣ и укрѣпился довольно основательно. Его лѣвый флангъ упирался въ самый городъ, а правый тянулся къ Опалину, прикрываясь лѣсами, центръ же стоялъ прямо въ болотѣ. При отступленіи Шварценбергъ разрушилъ всѣ мосты, что значительно задержало наше движеніе и мы могли подойти къ Любомлю только 18-го (30-го) сентября. Къ полудню всѣ наши войска уже собрались, а Шварценбергъ не двигался...

Представлялся отличный случай нанести поражение противнику, но Чичаговъ не умѣлъ имъ воспользоваться. Онъ никогда еще не выказывалъ подобной бездарности! мы всѣ ему совѣтовали и торопили атаковать непріятеля наступленіемъ обоихъ нашихъ фланговъ; это заставило бы его отступить и тогда мы, пользуясь численнымъ превосходствомъ нашей кавалеріи, нагнали и разбили бы противника.

Но уговорить его было невозможно. На насъ, на свою армію и на своихъ враговъ онъ смотрѣлъ съ какою-то тоской; его лицо выражало сомнѣніе и безпокойство; онъ не только не сдѣлалъ никакихъ распоряженій, которыхъ, по справедливости говоря, онъ и не въ состояніи былъ сдѣлать, но онъ даже и намъ не позволялъ распорядиться за него.

Такъ прошелъ цѣлый день. Ночью Шварценбергъ, под-

держивая огни на своей позиціи, перешелъ по понтонному мосту р. Бугъ и двинулся къ Влодавѣ.

Наблюдавшій за непріятелемъ нашъ авангардъ также достигъ этого моста и егеря, прикрываясь песками, бывшими по берегу Буга, открыли даже ружейный огонь, но дальнѣйшее наступленіе ихъ было задержано предмостнымъ укрѣпленіемъ.

Когда мы увидѣли, что непріятель двигается по лѣвому берегу Буга, то вообразили, что онъ совсѣмъ уходитъ отъ насъ и что встрѣтиться съ нимъ мы можемъ только въ Варшавѣ, куда, казалось, онъ направлялся. Но мы ошиблись.

Съ самаго утра 19-го сентября (1-го октября) я приказалъ князю Васильчикову съ его Вятскимъ полкомъ занять Любомль. Генераль-лейтенантъ Эссенъ поспѣшно направился на Бержцы, къ правому флангу непріятельской позиціи; за нимъ слѣдовали главныя силы.

У Эссена, около Опалина, взяли въ плѣнъ 1 офицера и 150 солдатъ, а при Влодавѣ 100 нижнихъ чиновъ.

Самъ адмиралъ оставался нѣсколько дней въ Любомлѣ, чтобы официально принять армію Торماسова, и оставилъ при себѣ много войскъ.

Графъ Ламбертъ, Ланской и я, обойдя Дубокъ, Збуражъ и Олтушь, принуждены были направиться прямо на Брестъ-Литовскъ. Переходъ этотъ былъ очень трудный и утомительный; намъ пришлось идти черезъ сыпучій, глубокій песокъ и черезъ болота, въ которыхъ ноги вязли чуть не до колѣнъ; проходили полуистлѣвшими и полуврубленными лѣсами, гдѣ оставшіеся пни дѣлали дорогу въ высшей степени неудобной и трудной. Несмотря на все это, насъ ничто не могло остановить и мы въ два съ половиною дня сдѣлали 100 верстъ. Мы надѣялись нагнать два сильные непріятельскіе отряда, которыми командовали австрійскіе генералы Зигенталь и

Мооръ, но мы ихъ пропустили и дали имъ время втянуться въ Брестъ.

Въ этомъ походѣ съ нами произошелъ совсѣмъ необыкновенный случай. Наша кавалерія, числомъ до 9 тысячъ человекъ, состоявшая подъ начальствомъ гр. Ламберта и Ланского, сдѣлала приваль въ д. Збуражѣ. Жара стояла страшная; утомленнымъ лошадямъ дали сѣна, а люди легли на песокъ и заснули. Всѣ были далеки отъ мысли о встрѣчѣ съ непріятелемъ. Въ это время полурэскадронъ австрійскихъ гусаръ, полка Барко, былъ назначенъ, подъ командою капитана Миклоша, на фуражировку и случайно попалъ въ эту же деревню. Принявъ красные мундиры нашихъ малороссійскихъ гусаръ за саксонцевъ, австрійцы, безъ малѣйшей опасности, вошли въ деревню. Они только тогда поняли свою ошибку, когда были посреди спавшихъ нашихъ гусаръ, но спастись было уже поздно. Разбуженные произведеннымъ австрійцами шумомъ, наши солдаты вскочили и схватились за оружіе. Миклошъ хотѣлъ защищаться, но былъ раненъ ударомъ сабли, три гусара его были убиты, остальные сдались.

Когда я пріѣхалъ, то дѣло уже кончилось и я приказалъ солдатамъ хорошо обращаться съ плѣнниками; впрочемъ, приказывать это было бесполезно, потому что наши солдаты всегда хорошо относились къ плѣннымъ. Какъ только австрійцы или венгерцы попадались въ плѣнъ, то наши солдаты брали ихъ подъ руки, вели къ себѣ въ лагерь и дѣлились съ ними всѣмъ, что сами имѣли; вообще обращались съ ними какъ съ братьями по оружію. Зато къ полякамъ и саксонцамъ они относились враждебно и плѣнники не имѣли пощады. Ихъ ненависть къ полякамъ вполне понятна, но я не могу понять, почему они такъ же относились къ саксонцамъ.

22-го сентября (3-го октября), ночью, мы подошли къ опушкѣ олтокскаго лѣса, верстахъ въ 6 или 8 отъ Бреста. Я прика-

заль казачьему генералу Грекову 8-му идти и занять городъ. Онъ двинулся, но, сверхъ всякаго ожиданія, нашелъ городъ занятымъ Шварценбергомъ. Австрійцы снова перешли на правый берегъ Буга, а затѣмъ потянулись вдоль маленькой рѣчки Мухавецъ, правѣ Бреста и лѣвѣ Бульковской дороги. Грековъ былъ встрѣченъ пушечными выстрѣлами, которые меня очень удивили. Получивъ донесеніе Грекова, я не повѣрилъ ему и думалъ, что онъ въ темнотѣ ошибся и, если на Мухавцѣ и были войска, то во всякомъ случаѣ это былъ какой-нибудь слабый отрядъ. Поэтому, чтобы узнать все, я рѣшился самъ сдѣлать рекогносцировку Бреста. Каково же было мое изумленіе, когда я нашелъ тамъ 30 тысячъ чловѣкъ, хорошо вооруженныхъ и вполне готовыхъ къ бою. У меня съ собою было только 18 тысячъ, изъ коихъ 9 тысячъ было кавалеріи; кавалерія противника не имѣла и 4 тысячъ сабель. Мы стояли почти на гладкой равнинѣ, что было очень выгодно для дѣйствій конницы.

Я не безъ основанія подозрѣвалъ, что Шварценбергъ прибылъ въ Брестъ только для того, чтобы помочь отступленію своимъ двумъ смѣлымъ отрядамъ и что онъ вовсе не отважится напасть на меня, потому что могъ думать, что мои войска составляли только авангардъ нашей арміи; наконецъ, если бы онъ даже и атаковалъ меня, то моя кавалерія помогла бы мнѣ удалиться въ лѣса и тогда бы онъ не могъ даже преслѣдовать меня. Поэтому, нисколько не колеблясь, я подошелъ еще ближе къ Бресту и расположился въ двухъ верстахъ отъ него.

По моему распоряженію, казаки завладѣли гусарскимъ пикетомъ, а на Двинской дорогѣ захватили ординарца ген. Моора, сообщившаго мнѣ, что Мооръ находится около Булькова, а Зигенталь, сверхъ всякаго ожиданія, тоже какъ-то счастливо скрылся ¹⁾.

¹⁾ Я оставилъ при себѣ двухъ плѣнныхъ австрійскихъ офицеровъ: этого

26-го сентября (7-го октября) графъ Ламбертъ, по моему приказанію, перешелъ Мухавецъ въ 10 или 12 верстахъ выше Бреста, на Бульковской дорогѣ, и соединился съ генер. Чаплицемъ, который послѣ тщетнаго преслѣдованія Моора, узнавъ о нашемъ и непріятельскомъ движеніи, остановился въ Бульковѣ.

Произведенная гр. Ламбертомъ рекогносцировка расположенія противника показала, что Шварценбергъ успѣлъ перемѣнить позицію, направивъ свой правый флангъ на Мухавецъ, а лѣвый на Волковыскую дорогу. Завязавшееся при этой рекогносцировкѣ аванпостное горячее дѣло кончилось потерей съ обѣихъ сторонъ 200 чел., а мы захватили еще до 300 чел. плѣнными. Вечеромъ гр. Ламбертъ отошелъ на свою прежнюю позицію. Цѣлью этой рекогносцировки было желаніе узнать, не покинулъ ли Шварценбергъ свою позицію и, въ

ординарца и капитана Миклоша, далъ имъ лошадей и бралъ ихъ съ собой на всякую рекогносцировку. Они мнѣ много помогали, такъ какъ узнавали своихъ генераловъ и офицеровъ и называли ихъ мнѣ.

Такимъ образомъ, я, также какъ и непріятель, прогуливался по берегамъ р. Муховца (это даже не рѣчка, а ручеекъ, который можно повсюду перейти въ бродъ). Мы были почти въ 30 шагахъ отъ австрійскихъ пикетовъ, а ведеты наши почти что скрещивались, но тѣмъ не менѣе никто не имѣлъ охоты стрѣлять. Казаки и гусары даже часто пили вмѣстѣ водку.

Было извѣстно, что австрійцы вели эту войну противъ своего желанія, а у насъ тоже былъ видъ, какъ будто мы скорѣе желаемъ избѣгать, нежели начинать сраженіе.

Князь Филиппъ Гессенъ-Гомбургскій, служившій тогда въ австрійской арміи генераль-маіоромъ, черезъ годъ сказалъ мнѣ, что на одной аванпостной стычкѣ онъ замѣтилъ, какъ ихъ кроаты и наши егеря вынули пули и стрѣляли холостыми зарядами; послѣ 6-ти часовой перестрѣлки не было ни одного убитаго. Этого конечно можно было ожидать.

Плѣнныхъ офицеровъ я держалъ у себя только нѣсколько дней, а затѣмъ отсылалъ въ австрійскую армію къ кн. Шварценбергу, съ которымъ у меня продолжалась еще связь съ нашего знакомства въ Вѣнѣ.

Между нашими обѣими арміями существовали самыя почтительныя и вѣжливыя отношенія, которыя напоминаютъ войны Людовика XIV и XV (эти отношенія уничтожили революціонныя войны).

противномъ случаѣ, обрекогносцировать мѣстность, гдѣ бы можно было дать сраженіе.

Я просилъ у Чичагова назначить мнѣ 10 т. чел. пѣхоты при 40 орудіяхъ. Если бы онъ ихъ прислалъ, то я бы отважился дать генеральное сраженіе, которое имѣлъ много шансовъ выиграть, имѣя такую прекрасную и многочисленную кавалерію. Этимъ я хотя и налагалъ на себя большую отвѣтственность, но успѣхъ все извиняетъ, а поведеніе адмирала давало право думать, что онъ исполнитъ мою просьбу. Но онъ попрежнему оставался совершенно покойнымъ въ Любомлѣ и, несмотря на окружающую обстановку, продолжалъ держать при себѣ $\frac{2}{3}$ арміи, не посылая намъ ни приказаній, ни инструкцій.

Наконецъ, 27-го сент. (8-го окт.) онъ прибылъ къ Бресту, но по своему обыкновенію ничего не рѣшилъ; а 29-го (10-го) числа, ночью, Шварценбергъ снялся съ позиціи и отошелъ отъ Бреста. Ночь эта была такъ темна, что Шварценбергъ приказалъ, чтобы проводники освѣщали путь отступленія его арміи фонарями (за что получилъ прозвище „Ranurge“, которымъ его называли войска).

Опасаясь, чтобы евреи, которые во всей Польшѣ были расположены къ намъ, не извѣстили насъ, о его движеніи, онъ приказалъ оставить на Мухавцѣ сильную аванпостную цѣпь. Но мы, узнавъ объ его отступленіи еще до разсвѣта, тотчасъ же двинулись за нимъ и вечеромъ настигли его у Лѣсны. Тогда, противъ нашего ожиданія, онъ снова отступилъ, направляясь по правому берегу Буга, на Волковыскъ. Тутъ произошла довольно живая стычка, окончившаяся только ночью, и Шварценбергъ, воспользовавшись темнотою, отступилъ дальше.

Въ этомъ дѣлѣ (которое намъ стоило около 200 чел.), генераль-маіоръ Удомъ былъ сильно раненъ, пуля раздробила ему нижнюю часть ноги; а одинъ офицеръ генераль-

наго штаба, весьма талантливый и много общавшій, — былъ убитъ. Пленныхъ мы взяли 400 человекъ.

Саксонская артиллерія оказалась превосходной и служила отлично.

Шварценбергъ продолжалъ свое отступленіе на Семятичи, гдѣ онъ снова перешелъ на лѣвый берегъ Буга.

Мы еще оставались нѣсколько дней въ Лѣснѣ, ожидая, какъ говорилъ Чичаговъ, извѣстій о томъ, что случилось съ непріятелемъ; все это мы отлично знали и было ужасно досадно терять такъ бесполезно драгоценное время.

Казаки и кавалерія преслѣдовали непріятеля вплоть до Буга, а затѣмъ присоединились къ намъ. Затѣмъ мы разослали конные отряды въ разныя стороны и гр. Ламбертъ довелъ одинъ изъ нихъ даже до р. Нарева ¹⁾.

Глава арміи ничего не дѣлалъ. Адмиралъ находился въ Адашковѣ, въ 2 верстахъ отъ Бреста, и, занимая Ріемчевичскій замокъ, чувствовалъ себя тамъ отлично.

Полковникъ Чернышевъ, флигель-адъютантъ Государя, былъ посланъ изъ главной арміи къ намъ, чтобы извѣстить насъ о ея мѣстопребываніи, а также, чтобы дать отчетъ Кутузову о нашей арміи. Чичаговъ далъ ему довольно сильный отрядъ изъ кавалеріи и казаковъ и послалъ его, въ качествѣ партизана, въ герцогство Варшавское.

Чернышевъ подошелъ къ Мендзержицу, принадлежащему князю Константину Чарторижскому, служившему въ непріятельскихъ войскахъ, взялъ тамъ большую контрибуцію и увезъ

¹⁾ Эти отряды грабили поляковъ, получивши на то разрѣшеніе. Полковникъ Меллисино, самый ярый грабитель въ нашей арміи, не обладалъ никакими талантами; онъ ввелъ распущенность и излишества... Дежурный генералъ Алексѣй Тучковъ разрѣшилъ собирать и публично продавать многія вещи. Но что было самое странное въ этомъ грабежѣ, которому Чичаговъ не придавалъ большого значенія, но который приводилъ въ отчаяніе остальныхъ генераловъ, такъ это участіе регулярной кавалеріи, 2 или 3 полка которой особенно отличались; казаки же были значительно сдержаннѣе.

съ собой нѣсколько дорогихъ вещей, между которыми былъ столикъ чудной работы. Чернышевъ передалъ эти вещи Чичагову, а тотъ послалъ ихъ въ Петербургъ, но Государь велѣлъ возвратить ихъ князю Константину.

Когда Чернышевъ привезъ извѣстіе адмиралу, что противъ него выдвигаются нѣсколько регулярныхъ полковъ, то немедленно были посланы генералы Эссенъ и Булатовъ. 7-го (19-го) октября, когда они подошли къ Бялѣ, то между этимъ городомъ и Залѣсьемъ, въ 30 верстахъ отъ Бреста, они увидѣли всю армію Шварценберга. Эссенъ принужденъ былъ отступить, потерявъ 500 чел. и одну пушку¹⁾. Не будь это отступление совершено ночью, онъ понесъ бы значительно большія потери.

Какъ только это извѣстіе дошло до главной квартиры, Чичаговъ тотчасъ же, въ 10 час. вечера, послалъ меня, съ частію моихъ войскъ, на поддержку Эссена, котораго я нашелъ уже въ Залѣсьѣ.

Шварценбергъ тогда снова отошелъ въ Дрогичинъ, чтобы беспокоить насъ съ другой стороны. Надо отдать ему справедливость—онъ маневрировалъ прекрасно. Изъ всего этого можно заключить, что мы какъ бы играли, бѣгая взапуски; но непріятель игралъ лучше насъ. Съ своими 38 т. онъ не давалъ никакого хода нашей 60 т. арміи. Въ общемъ, та ловкость и дѣятельность, съ которой трудился Шварценбергъ, совсѣмъ не была такъ необходима. Если бы только онъ зналъ, какъ былъ несвѣдущъ въ военномъ дѣлѣ стоящій во главѣ у насъ, какъ нескладны и несвязны всѣ наши операціи и какъ разбросана наша кавалерія, то могъ бы захватить насъ и даже побить, несмотря на все искусство

¹⁾ Генералъ Богдановичъ считаетъ потери Эссена въ дѣлѣ 7-го (19-го) октября немного свыше 300 человекъ (Исторія Отечественной войны въ 1812 г. Т. II, стр. 460).

нашихъ старыхъ генераловъ и военныя доблести нашихъ храбрыхъ солдатъ.

Въ это время присоединился къ нашей арміи генералъ Сакенъ съ корпусомъ въ 5 т. чел., организованнымъ имъ въ Житомирѣ¹⁾; такимъ образомъ нашихъ силъ стало доста-

¹⁾ Генералъ-лейтенантъ Сакенъ тогда снова началъ свою военную карьеру, прерванную пятилѣтней опалой, которую, какъ говорятъ, онъ заслужилъ. Сакенъ—генералъ очень мужественный, образованный, дѣятельный и способный на серьезное и трудное дѣло. Онъ очень уменъ, но, къ несчастію, его умъ слишкомъ способенъ на интриги и, подъ оболочкой простодушія, скрываетъ хитрость и лицемеріе. Въ обществѣ онъ былъ очень веселъ, любезенъ, остроуменъ и даже шутливъ, но въ обществѣ его характеръ далеко не заслуживалъ такого одобренія, какъ его умственные качества.

Дерзкій и неподчиняющійся своимъ начальникамъ, онъ не былъ любимъ ими; товарищамъ онъ казался опаснымъ и они боялись его; съ солдатами же онъ былъ такъ грубъ и строгъ, что тѣ ненавидѣли его. Онъ такъ былъ нелюбимъ, что когда онъ появлялся гдѣ-либо съ сопровождавшими его генералами Толемъ и кн. Яшвилемъ, то говорили: «вотъ палачь съ двумя слугами».

Въ 1807 г. Сакенъ служилъ подъ начальствомъ Беннигсена, во время той достопамятной кампаніи, когда Наполеонъ, въ первый разъ, былъ остановленъ въ своихъ побѣдахъ генераломъ, который даже оспаривалъ у него превосходство талантовъ и привычку быстрыхъ успѣховъ. Но Беннигсенъ, будучи прекраснымъ генераломъ, какъ начальникъ былъ ужасно слабъ и никакъ не могъ заставить слушать себя и уничтожить всѣ тѣ слетни и интриги, которыя, со всѣхъ сторонъ окружали его. Онъ былъ иностранецъ (изъ Ганновера). Многіе русскіе генералы не любили его и хотѣли низвергнуть. То участіе, которое онъ принималъ въ смерти Павла, сдѣлало его предметомъ ненависти Императрицы-матери, настолько удалившей его отъ Государя, что послѣдній обращался къ нему только въ случаяхъ крайней необходимости.

Въ сраженіи при Гутштадтѣ Беннигсенъ собирался дѣйствовать по составленному имъ плану и если бы онъ удался, то весь ходъ войны перемѣнился бы. Онъ уже приготовилъ все къ тому, чтобы окружить и разбить корпусъ маршала Нея. Главной колонной, отъ которой зависѣлъ весь успѣхъ, командовалъ тогда Сакенъ. Онъ былъ старшій генералъ въ арміи, уже составившій себѣ репутацію. Взвѣсивъ всѣ обстоятельства, онъ рѣшилъ, что, если онъ ослабитъ успѣхъ Беннигсена и даже заставитъ его потерпѣть поражение, то этимъ онъ совсѣмъ уничтожитъ этого генерала и самъ наследуетъ ему въ командованіи арміей. Онъ не исполнилъ данныхъ ему приказаній и опоздалъ съ своей колонной, Беннигсенъ хотя и не былъ разбитъ, но въ общемъ, этотъ день не принесъ никакого успѣха.

Тогда Беннигсенъ пожаловался Государю. Сакенъ былъ вызванъ въ Петербургъ и отданъ подъ судъ. Дѣло тянулось очень долго и Государь, быть

точно, чтобы оставить передъ Шварценбергомъ довольно значительный корпусъ, а съ остальными войсками, согласно полученныхъ отъ Кутузова Высочайшихъ повелѣній, отправиться на сборный пунктъ главной французской арміи.

Когда къ намъ прислали это повелѣніе, то Наполеонъ былъ еще въ Москвѣ, но уже можно было предвидѣть его отступление и даже думали о томъ, какъ бы ему отрѣзать путь отступления. Генераль Ермоловъ, тогда дежурный генераль Кутузова, написалъ гр. Ламберту подробное письмо, которое онъ намъ показалъ. Въ этомъ письмѣ онъ изложилъ все, что было предвидѣно и донесено; оно возвратило намъ надежду, отнятую взятіемъ Москвы. Изъ письма мы заключили, что не предвидится скорого мира, заключенія кото-

можетъ, желая потушить его, такъ какъ до сихъ поръ еще никогда въ Россіи не производилось подобныхъ дѣлъ, самъ началъ наводить о немъ справки и, такимъ образомъ, далъ ему ходъ. Наконецъ судъ кончился и рѣшеніе суда было отослано кн. Дмитрію Лобанову-Ростовскому, генераль-губернатору Петербурга, человѣку честному и справедливому, но строгому. Онъ былъ совершенно согласенъ съ рѣшеніемъ суда — что вина Сакена была велика и что его нельзя было оправдать. Сентенція суда была представлена Государю, который оставилъ дѣло у себя и долго не подписывалъ своей резолюціи.

Въ продолженіе 5 лѣтъ Сакенъ, неимѣвшій своихъ средствъ и, какъ всѣ подсудимые, получавшій половинный окладъ жалованья (15 т. кредитными), въ матеріальномъ отношеніи терпѣлъ нужду. Графъ Григорій Орловъ принялъ его и помѣстилъ у себя.

Въ одно изъ моихъ посѣщеній Петербурга, я встрѣтилъ Сакена у его благодѣтеля; онъ казался совершенно спокойнымъ и ни на что не жаловался.

Въ 1812 г., когда вспыхнула война съ Наполеономъ, Императоръ Александръ, этотъ ангелъ доброты и милосердія, призвалъ Сакена къ себѣ въ кабинетъ и сказалъ ему: «вотъ ваше осужденіе; я его не подписалъ; теперь готовится страшная война; у васъ есть способности; идите и поправляйте ваши ошибки. Такъ какъ у васъ ничего нѣтъ, то вотъ вамъ съ чѣмъ отправиться. Поѣзжайте».

Въ этой войнѣ Сакену поручили важное командованіе. 1812, 1813 и 1814 годы составили ему хорошую репутацію.

Дѣйствительно, онъ хотѣлъ уничтожить своего начальника и замѣстить его, но избранный имъ для сего путь не такой, чтобы по немъ пошелъ истинный патриотъ.

Послѣ смерти Барклая, Сакенъ получилъ командованіе первой арміей. Теперѣ ему 74 года и онъ часто болѣетъ.

раго такъ всѣ боялись, а что, наоборотъ, готовится такая война, въ которой мы будемъ самыми усердными дѣятелями и отъ которой зависитъ судьба всей Европы.

1-го (13-го) октября адмираль получилъ приказаніе оставить передъ Шварценбергомъ одного генерала (по своему выбору) съ 20 или 25 тысячами чел., а самому идти на Березину или на Днѣпръ, навстрѣчу французской арміи.

Если бы Чичаговъ исполнилъ это приказаніе въ тотъ же день, какъ онъ и долженъ былъ это сдѣлать, мы бы застали Наполеона на Днѣпрѣ (переходъ черезъ который гораздо легче было защищать, нежели переходъ черезъ Березину), и Днѣпръ сдѣлался бы, весьма вѣроятно, могилой того, который равнялся въ сумасбродствѣ Карлу XII.

25 дней, которые мы потеряли совсѣмъ даромъ, были причиною того, что Наполеонъ такъ легко избѣжалъ той огромной потери, которую ему готовили; черезъ это произошло много другихъ ошибокъ, которыя я опишу послѣ.

Государь разсчиталъ, что Чичаговъ будетъ въ Минскѣ 9-го (21-го) октября, а онъ прибылъ туда только 5-го (17-го) ноября.

Наконецъ, 13-го (25-го) октября было сдѣлано новое распредѣленіе войскъ. Генер.-лейт. Сакенъ долженъ былъ остаться на Бугѣ, а на меня было возложено командованіе двумя корпусами: Эссена и Войнова, подъ начальствомъ самого адмирала. Черезъ нѣсколько дней Эссенъ съ его 8-й дивизіей былъ отправленъ къ Сакену, который безъ этихъ войскъ былъ дѣйствительно слабъ.

Составъ арміи былъ слѣдующій:

1) Корпусъ генераль-лейтенанта Сакена.

Полки пѣхоты: Архангельскій, Староингерманландскій, Шлиссельбургскій, Украинскій, 37-й егерскій — 8-я дивизія; Охотскій, Камчатскій, Мингрельскій, Галицкій и Саратовскій — разныхъ дивизій; Выборгскій, Вятскій, Староосколь-

скій, Олонецкій, 29-й и 45-й егерскіе—22-я дивизія; кавалерійскіе полки: Лубенскіе гусары, Чугуевскіе гусары, Волынскіе уланы; Переяславскій, Смоленскій, Тверской, Серпуховской и Владимірскій драгунскіе.

Всего 38 баталіоновъ, 40 эскадроновъ, 7 полковъ казаковъ, 144 пушки, что составитъ отъ 24 до 25 тысячъ вооруженныхъ людей.

2) Генералы:

Генераль-лейтенантъ Эссенъ 3-й.

Генераль-маіоры: Булатовъ, графъ Д'Оруркъ, графъ Иванъ Ливень, Лисаневичъ, Мелиссино, Гамперъ, Бердяевъ, Энгельгардтъ 1-й, Репнинскій, Шконскій, Турчаниновъ, Збіевскій, Линдфорсъ.

3) Войска адмирала Чичагова.

Пѣхотные полки: Витебскій, Козловскій, Колыванскій, Куринскій, 13-й и 14-й егерскіе—15-я дивизія.

Нашебургскій, Рязскій, Апшеронскій, Якутскій, 10-й и 33-й егерскіе—9-я дивизія; Владимірскій, Тамбовскій, Костромской, Днѣпровскій, 28-й и 32-й егерскіе, 6 баталіоновъ гренадеръ, собранныхъ изъ разныхъ полковъ; 7-й егерскій изъ 8-й дивизіи, 12-й и 23-й егерскіе изъ 13-й дивизіи.

Кавалерійскіе полки - гусарскіе: Павлоградскій, Ольвіо, польскій; Александрійскій и Бѣлорусскій; драгунскіе: Ливонскій, Сѣверскій, Петербургскій, Кинбурнскій, Дерптскій, Стародубовскій, Житомирскій и Арзамасскій.

5 казачьихъ полковъ и 2 полка крымскихъ татаръ.

Всего 64 эскадрона, 216 пушекъ; около 35 тысячъ человекъ (послѣ соединенія съ генераломъ Лидерсомъ, бывшимъ изъ Одессы).

4) Генералы:

Генераль-отъ-инфантеріи гр. Ланжеронъ.

Генераль-лейтенаты: Войновъ и Сабанѣевъ—начальникъ Главнаго Штаба.

Генераль-маіоры: графъ Ламбертъ, Ланской, Гангебловъ, Рудзевичъ, Лидерсъ, князь Щербатовъ, Ихцовъ, Ливень, Рѣзвый (артиллеристъ), Тучковъ (дежурный генераль), Чаплиць, Назимовъ, гр. Паленъ 2-й, кн. Василій Вяземскій, Комнено (интендантъ арміи), гр. Мантейфель, Крушевъ, Бергъ (начальникъ главной квартиры), Степановъ, Кноррингъ, Денисовъ, Дехтеревъ, Башиловъ, Корниловъ, Мещериновъ, Бенардосъ, Зандерсъ, Арсіо (артиллеристъ), Уманецъ, Грековъ (Донской казакъ ¹).

Наконецъ, 15-го (27-го) октября, мы двинулись въ походъ, а 16-го (28-го) числа, по требованію ген. Сакена, которому угрожалъ кн. Шварценбергъ, покинувшій Бялу и подошедшій ближе къ Дрогичину, послали къ нему на усиленіе ген. Эссена съ 8-ю дивизіей (какъ я уже говорилъ объ этомъ выше); такимъ образомъ, корпусъ Сакена состоялъ изъ 25 тысячъ человекъ.

Мы шли черезъ Кобринъ, Пружаны, Слонимъ, Становичи, Несвижъ, Новосвержень, Кайдановъ до Минска, куда прибыли 5-го (17-го) ноября.

Въ Слонимѣ ген. Чаплиць, командовавшій нашимъ авангардомъ, окружилъ и захватилъ цѣлый уланскій полкъ.

Польскій генераль Конопка сформировалъ этотъ полкъ спеціально для охраны Наполеона; онъ состоялъ, большею частью, изъ молодыхъ людей знатнѣйшихъ фамилій Литвы и

¹) Составъ войскъ корпуса Сакена и арміи Чичагова, приводимый ген. Богдановичемъ, нѣсколько разнится отъ данныхъ гр. Ланжерона, а именно: корпусъ Сакена: 47 баталіоновъ, 36 эскадроновъ, 6 казачьихъ полковъ и 92 орудія. Армія Чичагова: 48 баталіоновъ, 64 эскадрона, 10 казачьихъ полковъ и 180 орудій.

Волыни. Невозможно представить себѣ богатство и изящество ихъ костюмовъ и красоту ихъ коней. У генер. Конопки не было выставлено аванпостовъ и наша армія была только въ 15 верстахъ отъ него. Подобная неосторожность въ офицерѣ, который такъ много воевалъ вмѣстѣ съ французской арміей, не можетъ быть объяснена ни чѣмъ и даетъ право подозрѣвать, что, разсѣявъ свои кадры для формировація полковъ, ему ничего не оставалось дѣлать, какъ сдаться. Вскорѣ послѣ этого генер. Конопка умеръ, а молодыхъ людей, назначенныхъ имѣть честь охранять Наполеона, разослали обратно въ ихъ семьи.

30-го октября (11-го ноября) мы пришли въ Несвижъ и помѣстились въ замѣкъ молодого кн. Радзивилла; здѣсь мы нашли великолѣпныя вещи, большую коллекцію разныхъ любопытныхъ рѣдкостей, очень дорогой цѣны, хорошую бібліотеку, которая, впрочемъ, была вся расхищена, сначала ген. Кноррингомъ, который первый прикоснулся къ ней, а затѣмъ, по порядку и дежурнымъ генераломъ Тучковымъ. Хотя несвижскіе Радзивиллы, кажется, изъ всѣхъ поляковъ были самыя заклятые враги русскихъ и даже самъ молодой князь, въ это время, находился въ Наполеоновской арміи; но все же это не должно служить причиной, чтобы позволять и поощрять подобный разбой, который хотя и былъ прекращенъ Чичаговымъ, но уже поздно.

1-го (13-го) ноября гр. Ламбертъ, командовавшій нашимъ авангардомъ, встрѣтилъ около Новосвержня польскаго генерала Косецкаго съ отрядомъ въ 3 тысячи человекъ. Графъ напалъ на него, разсѣялъ и порубилъ массу людей, взявъ въ плѣнъ около тысячи человекъ.

Черезъ 2 дня, т. е. 3-го ноября, Ламбертъ снова встрѣтилъ Косецкаго съ его отрядомъ около Кайданова и снова побилъ его, взявъ въ плѣнъ 1500 человекъ и обѣ бывшія

при отрядѣ пушки, такъ что Косецкій почти одинъ бѣжалъ въ Минскъ.

5-го ноября, въ 8 ч. утра, Ламбертъ вошелъ въ Минскъ, куда я прибылъ только вечеромъ.

Большое стратегическое движеніе, перенесшее насъ на единственную коммуникаціонную линію, оставшуюся у французовъ, не заслуживало восхищенія.

Наполеонъ былъ еще въ Москвѣ, а его войска, несмотря на множество потерь, все-таки превосходили Кутузовскую армію. Тѣмъ не менѣе уже предвидя его отступленіе и принимаютъ мѣры, чтобы отрѣзать ему путь, а армію истребить. Комбинируютъ движеніе армій, изъ которыхъ одна была за 100 верствъ, а другая болѣе чѣмъ за 2000 верствъ отъ главнаго пункта всей операціи. Все было такъ хорошо рассчитано, что если бы адмиралъ точно исполнилъ всѣ приказанія, которыя онъ получилъ, то не потерялъ бы 25 дней въ Брестѣ, добрался бы до Днѣпра раньше Наполеона, перерѣзалъ бы ему путь отступленія и даже на Березинѣ проектъ, составленный въ Петербургѣ, могъ бы вполне удался, если бы Чичаговъ и здѣсь не надѣлалъ новыхъ ошибокъ.

Но, хотя всѣ эти проекты отчасти и удались, нужно сказать, что исполненіе ихъ представляло большія трудности.

Операціонная линія Наполеона была дѣйствительно огромна—отъ Нѣмана до Москвы, но онъ пробовалъ устранить это неудобство, размѣщая въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга промежуточные корпуса. Маршалъ Удино и маршалъ Гувіонъ де Сенъ-Сиръ были оставлены противъ Витгенштейна. Нельзя было и предполагать, что оба они будутъ побиты, ранены и понесутъ большія потери, что заставитъ Наполеона выслать имъ на помощь маршала Виктора, который, по предположеніямъ, долженъ былъ занять Смоленскъ.

Генералъ Луазонъ съ новой дивизіей, состоящей изъ

10—12 тысячъ, долженъ былъ уже давно быть въ Вильнѣ, но онъ прибылъ туда только 15-го (27-го) ноября и можно было ожидать, что онъ будетъ двигаться рядомъ съ арміей Чичагова и займетъ Минскъ, какъ самый важный пунктъ на всей этой растянутой линіи. Эти 12 тысячъ, вмѣстѣ съ корпусомъ польскаго генерала Домбровскаго (числомъ 6 тысячъ), съ отрядомъ Косецкаго, со всѣми баталіонами новобранцевъ и выздоравливавшихъ, которыхъ перевозили изъ Вильны въ Москву, могли составить армію въ 22 или 24 тысячи человекъ, а если бы къ нимъ присоединился маршалъ Викторъ съ такимъ же числомъ людей, то 40 или 50 тысячъ человекъ, подъ начальствомъ самого Виктора, могли бы, если не побить адмирала (который вмѣстѣ съ Витгенштейномъ и Эртелемъ могъ собрать 80 тысячъ вооруженныхъ солдатъ)¹⁾, то во всякомъ случаѣ задержать его или остановить и дать время Наполеону добраться до Вильны.

Наконецъ, можно было думать, что князь Шварценбергъ, поддержанный 9—10 тысячами французовъ и 5—6 тысячами поляковъ, отбѣснить Саена, заставить насъ обернуться лицомъ къ нему и, остановившись между нимъ и Викторомъ, мы будемъ поставлены въ критическое положеніе.

¹⁾ Генераль-лейтенантъ Эртель, по рожденію пруссакъ, долго бывший въ Москвѣ военнымъ полиціймейстеромъ, собралъ около Мозыря и Бобруйска кадры, резервные баталіоны, новобранцевъ и проч. что въ общемъ итогѣ составило 10 или 12 тысячъ. Противъ него-то и былъ посланъ Домбровскій. Когда этотъ генералъ отправился на Минскъ, Эртель могъ бы его задержать въ Борисовѣ и тѣмъ поставить его между собой и гр. Ламбертомъ или разбить его, если бы онъ началъ преслѣдовать или гнаться за нимъ.

Но Эртель не зналъ навѣрное день прибытія Ламберта въ Борисовъ; онъ только зналъ, что тотъ находится на пути къ нему; во всякомъ случаѣ, видя Домбровскаго, онъ долженъ былъ его преслѣдовать.

Эртель—отличный полиціймейстеръ, какъ генералъ никуда не пошелъ; онъ дѣлалъ страшныя ошибки, но его нельзя было упрекать за нихъ, потому что онъ былъ мало свѣдущъ. Адмиралъ, обходившійся съ нимъ очень строго и дурно, отнял у него корпусъ, хотя самъ зналъ еще менѣе его.

Но ничего этого не случилось. Многое съ нашей стороны было хорошо исполнено, но во многомъ помогало и счастье; но, что дѣйствительно странно и заслуживаетъ удивленія потомковъ, это невозможныя ошибки Наполеона, который самъ былъ причиной всѣхъ потерь и несчастій.

Особенно много потерялъ онъ подъ Смоленскомъ и его армія уменьшилась болѣе чѣмъ на $\frac{1}{3}$. Съ самаго начала кампаніи, отъ Ковны до Вильны ихъ преслѣдовали дожди, продолжавшіеся три недѣли; затѣмъ, недостатокъ фуража и провіанта и отсутствіе какой-либо заботливости—погубили болѣе 30 тысячъ лошадей и столько же людей.

Подъ Смоленскомъ у Наполеона было 155 тысячъ человекъ, а подъ Бородинымъ только 134 тысячи. Его великая армія, съ тѣхъ поръ какъ покинула Ковно, уменьшилась на 125 тысячъ; но тѣмъ не менѣе, Наполеонъ все-таки былъ сильнѣе Кутузова, который подъ Бородинымъ могъ считать въ своихъ рукахъ только 92 тысячи солдатъ и 13 тысячъ ополченія; каждая изъ армій имѣла по 600 пушекъ.

Если бы Наполеонъ, послѣ побѣды подъ Смоленскомъ, отступилъ назадъ и, занявъ Витебскую и Могилевскую губерніи, направился на Кіевъ или послалъ туда Даву, который поднялъ бы за нимъ всю Польшу, очень къ этому расположенную (походъ Даву непременно бы заставилъ Чичагова удалиться на Днѣпръ); если бы, въ такомъ случаѣ, онъ организовалъ польскую армію, которая могла простираться до 200 тысячъ человекъ, если бы онъ заставилъ австрійцевъ, которые были тогда устрашены его угрожающимъ положеніемъ, дать ему оставшуюся у нихъ армію или, по крайней мѣрѣ, оружіе для поляковъ, тогда онъ могъ бы имѣть надежду совершить въ 1813 г. счастливую и рѣшительную кампанію и принудить насъ къ миру, котораго онъ такъ желалъ.

Правда, что зимой мы не оставили бы ихъ въ покоѣ и у насъ былъ проектъ наступать на ихъ квартирное расположеніе.

Всѣ ополченія, которыя формировались и организовывались съ невообразимою быстротою, удвоили бы наши силы. Во всѣхъ нашихъ городахъ приготавливали полушубки, шапки и теплые валенки для солдатъ. Зима была ранняя и ужасная; французы, непривыкшіе къ такому суровому климату и плохо одѣтые, сражались бы въ ущербъ себѣ. Но нашимъ предположеніямъ не удалось сбыться, потому что Наполеону пришла въ голову непростительная мысль идти на Москву, что конечно перемѣнило наши планы.

Считаютъ три причины, заставившія Наполеона, такъ безразсудно и противно мнѣній его генераловъ, стремиться въ центръ непріятельскаго государства, могущество котораго поддерживалось патриотизмомъ жителей и храбрымъ упорствомъ солдатъ.

Ему должно было быть извѣстно, что могли сдѣлать и чего стоили русскіе солдаты! и къ такой арміи, которая въ продолженіе 1200 верстнаго отступленія, отъ Нѣмана до Москвы, участвовала въ двухъ большихъ сраженіяхъ и не потеряла ни одной пушки, ни одного заряднаго ящика, ни одной повозки и ни одного раненаго, нельзя было относиться съ пренебреженіемъ! Но онъ хотѣлъ, во-первыхъ, наступить и разбить Кутузовскую армію и надѣялся, что этотъ генералъ не оставитъ Москвы безъ генеральнаго сраженія, что и случилось.

Во-вторыхъ онъ воображалъ, что его прибытіе въ Москву наведетъ такой ужасъ на Россію, а особенно на Императора Александра I, что тотъ согласится на миръ, который Наполеонъ ему предложитъ ¹⁾.

¹⁾ Вотъ условія мира, которыя Наполеонъ хотѣлъ предложить Россіи:

1) Отдать Польшу всѣ ея прежнія границы. Онъ хотѣлъ образовать тамъ 3 большихъ герцогства.

Въ-третьихъ ему хотѣлось идти на Москву и, повинувшись своему характеру (котораго тщеславіе и самолюбіе составляли основныя черты, обыкновенныя во всѣхъ выскочкахъ), онъ хотѣлъ въ древней столицѣ Царей подписывать приказы или декреты о представленіяхъ въ Парижъ и др.

Онъ былъ въ Мюнхенѣ, въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, въ Дрезденѣ, въ Варшавѣ, въ Мадридѣ ¹⁾ и занялъ Лисабонъ, Римъ, Неаполь, Брюссель, Амстердамъ и др., онъ хотѣлъ также завладѣть и Москвою (на которую еще недавно во Франціи смотрѣли какъ на азіатскій городъ) и сѣсть въ Кремль на тронъ Петра Великаго. Но, даже удовлетворивъ этому мелочному тщеславію, Наполеонъ легко еще могъ бы избѣжать

2) Закрыть англичанамъ всѣ гавани.

3) Образовать оборонительный и наступательный союзъ съ нимъ, чтобы изгнать турокъ изъ Европы.

4) Дать помощь изъ 40 тысячъ казаковъ, чтобы идти въ Индію и атаковать англичанъ.

Изъ всего этого видно, что для новаго Александра (*Македонскаго*) ничего не было невозможнаго и если бы онъ не сдѣлалъ ошибокъ, то могъ бы реализовать свои планы. Онъ часто говорилъ: «Европейскій миръ—въ Константинополь».

Наполеонъ зналъ, что Императоръ Александръ страшился его талантовъ и его могущества и что воспоминаніе объ Аустерлицѣ еще болѣе его пугало; объ этомъ позволительно говорить потому, что Императоръ Александръ самъ сознался въ этомъ. Государь съ большимъ безпокойствомъ предусматривалъ гигантскую войну, которая могла компрометировать Его государство или, по крайней мѣрѣ, ослабить его, и подсчитывалъ тѣ жертвы въ людяхъ и въ деньгахъ, которыя она повлечетъ за собой; онъ зналъ и предвидѣлъ, что эта война когда-нибудь должна быть, но онъ старался оттягивать ее какъ можно долѣе. Этому страху и приписываютъ его поведеніе во время шведской войны 1809 года, столь несправедливой и столь безосновательной, эрфуртскія конференціи и исключеніе, по крайней мѣрѣ, касающееся англійскихъ товаровъ. Эта слишкомъ продолжительная покорность волѣ деспота Европы обманула Наполеона насчетъ характера Александра, а этотъ послѣдній, еще самъ не зналъ силы и средствъ своего государства, энергіи своей націи и совершенства своей арміи.

¹⁾ Въ продолженіе тѣхъ безконечныхъ войнъ, которыя породила французская революція и продолжавшихся 24 года, только три столицы не были взяты: Лондонъ, Стокгольмъ и Константинополь, и то еще этотъ послѣдній былъ бомбардированъ эскадрой передъ стѣнами султанскаго гарема.

тѣхъ потерь, которыя онъ потерпѣлъ въ Москвѣ. Если бы на другой день своего прибытія въ этотъ городъ, подписавъ проектированные декреты, онъ отступилъ сначала на Тулу, гдѣ могъ бы разрушить первый въ Россіи оружейный заводъ, а затѣмъ на Кіевъ, его положеніе было бы еще довольно выгоднымъ; или же, отступивъ даже прямо на Смоленскъ (особенно, когда онъ увидѣлъ себя лишеннымъ всѣхъ рессурсовъ, которые онъ надѣялся найти въ столицѣ, чтобы кормить, одѣвать и поддержать свою армію, и когда, вмѣсто ожидаемыхъ магазиновъ и провизіи, онъ нашелъ тамъ только пепель и пылающіе угли—остатки русскаго патриотизма), онъ могъ бы быстро занять то выгодное положеніе, въ которомъ онъ находился раньше, и тогда не только ничего бы не было потеряно, но ему бы даже удалось достигнуть того, чего онъ такъ желалъ, т. е. кровопролитнымъ сраженіемъ ослабить непріятельскую армію и заставить потерпѣть поражение ¹⁾. Его 34-хъ дневное пребываніе въ Москвѣ—положительно загадка; или оно было результатомъ его ослѣпленія въ престижѣ, которымъ окружилъ себя, оболыщенный своими побѣдами, завоеватель почти всей Европы ²⁾.

¹⁾ По занятіи Москвы, Наполеонъ не могъ двинуться на Тулу, во-первыхъ, потому, что долженъ былъ дать отдыхъ своей измученной арміи; во-вторыхъ, потому, что ждалъ результатовъ занятія столицы, т. е. согласія Императора Александра на миръ; а, въ третьихъ, и главнымъ образомъ, потому, что русская армія, расположившаяся на Рязанской дорогѣ, а 5-го сентября двинувшаяся на Калужскую дорогу, преграждала путь къ Тулѣ.

Отступать сейчасъ же по прибытіи въ Москву на Смоленскъ, для Наполеона значило отказаться отъ цѣли всей кампаніи и подорвать свой престижъ въ глазахъ Европы.

Редак.

²⁾ Въ этой кампаніи Наполеонъ не выказалъ ни того гения, ни тѣхъ талантовъ, ни той дѣятельности, которые подняли его такъ высоко въ предъидущихъ войнахъ; онъ не только часто бывалъ ниже себя, но иногда даже ниже обыкновеннаго генерала. Въ Бородинскомъ сраженіи онъ держался очень далеко отъ всей линіи и поэтому его приказанія часто опаздывали. Онъ ненавидѣлъ русскую армію и былъ неправъ; онъ думалъ, что

Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Москвѣ, Наполеонъ началъ сомнѣваться въ безопасности своего положенія; онъ все ожидалъ, что явятся просить его о мирѣ; но такъ какъ никто не показывался, то для чего онъ все-таки оставался въ Москвѣ ¹⁾.

Погода была великолѣпная и русская армія, значительно ослабленная Бородинскимъ сраженіемъ, не могла уже препятствовать его отступленію. Ему удалось бы дойти до Бѣлороссіи и даже до Польши еще до морозовъ, которые начались въ серединѣ ноября, но онъ рѣшился для чего-то оставаться на развалинахъ и смотрѣть, какъ разрушается его армія болѣзнями, лишеніями и недостаткомъ провизіи. Онъ не принялъ никакихъ предосторожностей и все ждалъ мира, котораго, наконецъ, рѣшился самъ просить, пославъ Лористона къ Кутузову 22-го сентября. Свиданіе это произошло въ главной квартирѣ фельдмаршала. Кутузовъ выказалъ здѣсь весь свой

найдетъ аустерлицкихъ генераловъ—и ошибся *); наконецъ, его характеръ, столь неограниченный и столь измѣчивый, не соглашался даже съ очевидностью. Онъ не хотѣлъ вѣрить нашимъ движеніямъ и многочисленности нашей арміи и не могъ допустить, чтобы армія Чичагова, разъединенная съ Сакеномъ, была болѣе 30 т. чел., тогда какъ она была въ 60 т. чел. Онъ не вѣрилъ, чтобы у Витгенштейна было и 20 т., а у него состояло 40 т. Мы говорили, что, когда адъютантъ Удино донесъ ему, что маршалъ долженъ былъ отступить передъ Витгенштейномъ, Наполеонъ страшно разсердился на него. Въ своемъ отступленіи Наполеонъ выказалъ мало предусмотрительности и выбралъ для этого самую неудобную дорогу. Если бы онъ пошелъ по направленію къ Витебску или даже еще сѣвернѣе, то онъ могъ бы разбить Витгенштейна, который былъ слишкомъ слабъ, чтобы противустоять ему.

¹⁾ Русская армія послѣ Бородинскаго сраженія быстро пополнила свои ряды и черезъ нѣсколько дней представляла очень солидную силу. Кромѣ того, Наполеонъ самъ долженъ былъ пополнять свою армію, сильно подорванную Бородинскимъ сраженіемъ, а для этого нужно было время. Вотъ одна изъ причинъ его остановки въ Москвѣ. *Редак.*

*) Въ Бородинскомъ сраженіи былъ тотъ же аустерлицкій генералъ Кутузовъ, но онъ не былъ ничѣмъ связанъ и дѣйствовалъ вполне самостоятельно.

Редак.

умъ и коварство, составлявшіе главные черты его характера. Окруженный своимъ штабомъ, онъ принялъ Лористона вѣжливо, но очень холодно и, взявъ у него оба письма Наполеона, адресованныхъ: одно—Государю, а другое—ему, и, не прочитавъ своего, положилъ ихъ на столъ. Видя нетерпѣніе Лористона, онъ не заговорилъ съ нимъ объ интересующемъ его вопросѣ, а въ продолженіе часа велъ съ нимъ бесѣду о своемъ походѣ и о дорогахъ. Наконецъ Лористонъ не выдержалъ и обратился къ Кутузову съ просьбой—удалить свидѣтелей и прочесть письмо Наполеона. Кутузовъ просилъ всѣхъ выйти изъ комнаты, взялъ письмо и, прочтя его, спокойно положилъ на столъ. Лористонъ, пораженный его хладнокровіемъ, говоритъ, что желаніе Наполеона—окончить эту ужасную войну.— „Окончить?“—воскликнулъ Кутузовъ,— „да для насъ она еще и не начиналась и мы только теперь собираемся ее вести...“

Послѣ того разговоръ перешелъ на положеніе арміи, и Лористонъ сталъ жаловаться на варварство русскихъ крестьянъ, которые, будто бы, въ порывѣ гнѣва, убивали всѣхъ попадавшихся въ ихъ руки французовъ. На это Кутузовъ ему отвѣтилъ такъ: „нашихъ крестьянъ, графъ, цивилизація коснулась не такъ, какъ вашихъ, и они только слышали о прежнихъ нашествіяхъ татаръ и другихъ варваровъ, которыхъ ихъ предки всегда разбивали“. При словѣ „варвары“ Лористонъ не могъ не вскрикнуть, но Кутузовъ продолжалъ, „наши крестьяне, видя передъ собой эту 600 т. толпу враговъ, явившихся въ ихъ страну и приносящихъ съ собой только бѣдствія, разрушенія и пожары, немогутъ не сравнить ихъ съ варварами, которые, въ прежнее время, дѣлали то же самое“.

Послѣ того Лористонъ настаивалъ на рѣшеніи вопроса о мирѣ, но Кутузовъ отвѣтилъ ему, что онъ самъ не можетъ этого сдѣлать, но что онъ пошлетъ курьера къ Государю. Лористонъ предложилъ, для сокращенія пути, курьеру ѣхать

черезъ Москву, но Кутузовъ не согласился, а только далъ ему слово, что отправитъ курьера на другой же день. Затѣмъ, было заключено двухнедѣльное перемиріе и Кутузовъ простился съ Лористономъ. Прощаясь, Кутузовъ далъ понять Лористону, что знаетъ, что и въ Испаніи фортуна перестала покровительствовать Наполеону такъ же, какъ и въ Россіи. Лористонъ, удивленный, что Кутузовъ былъ уже въ курсѣ этихъ столь недавно происшедшихъ событій, принужденъ былъ признаться въ пораженіи Мармона при Аропилахъ ¹⁾ (Aropiles).

Перемиріе это для Кутузова было необходимо; нужно было обмануть непріятеля, что онъ и былъ въ силахъ сдѣлать. Съ его простой наружностью и добродушнымъ обращеніемъ нельзя было связать того тонкаго и ловкаго ума, какимъ онъ обладалъ.

Съ каждымъ днемъ, съ каждой минутой, физическая и нравственная сила русской арміи все увеличивалась; со всѣхъ сторонъ получалась помощь рекрутами, отрядами ополченій, подвозомъ припасовъ и одежды; 30 т. казаковъ уже присоединились къ ней, а это огромная помощь для подготовлявшихся событій. О Бородинскомъ сраженіи какъ-то позабыли и всѣ воодушевлялись жаждой мщенія, которую поддерживали пламя и дымъ Москвы. Ожесточеніе крестьянъ дошло до высшей степени; они сжигали свои деревни, а сами съ женами, дѣтьми и скотомъ скрывались въ лѣса, откуда подкарауливали отставшихъ французовъ и, нападавая на нихъ съ топорами, убивали ихъ.

Разстроенная въ дисциплинѣ французская армія и, какъ послѣдствіе этого—разбои, грабежи, пожары, сожженіе деревень, оскверненіе церковей—все это увѣрило русскихъ сол-

¹⁾ Весь этотъ разговоръ я узналъ отъ самого Кутузова, который передалъ мнѣ его слово въ слово черезъ шесть недѣль въ Вильнѣ. Не знаю—сказалъ ли онъ истину, но общее мнѣніе, что это правда.

дать и крестьянъ въ томъ, что Императоръ Александръ говорилъ въ своемъ манифестѣ, а именно—что Наполеонъ хотѣлъ уничтожить ихъ отечество и ихъ религію. Французская армія день ото дня уменьшалась и пополнявшіе ея ряды рекруты не могли замѣстить потерянныхъ старыхъ гренадеръ; обезкураженные и ослабленные французы уже не внушали такого страха, какъ прежде.

Пожаръ Москвы — это героическое событіе, явленіе необыкновеннаго патриотизма народа, лишилъ Наполеона всѣхъ ресурсовъ, которые онъ ожидалъ найти тамъ, чтобы продержаться въ продолженіе зимы ¹⁾; а то, что не было поглощено пламенемъ и могло бы еще содержать и питать французскую армію въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, все это было разграблено и растащено въ одинъ день французскими солдатами, которые совсѣмъ не были приучены къ дисциплинѣ и только тогда начали беспокоиться, когда почувствовали дѣйствительную нужду во всемъ.

Послѣ потери Москвы, однимъ иностранцемъ былъ составленъ проектъ, какъ отрѣзать французамъ отступление... Полковникъ генеральнаго штаба Мишо ²⁾ предвидѣлъ результаты всѣхъ ошибокъ Наполеона и его сумасшедшаго желанія остаться въ Москвѣ и посовѣтовалъ оставить Владимірскую дорогу и перейти сначала на Калужскую, а потомъ на Смоленскую ³⁾ дорогу. Онъ говорилъ объ этомъ съ генера-

¹⁾ Москва была сожжена русскими по приказанію генераль-губернатора Растопчина; огонь начался 3-го сентября, черезъ 2 дня послѣ прибытія французовъ, и продолжался 5 дней. Только этимъ энергичнымъ и разумнымъ дѣйствіемъ Растопчинъ спасъ Россію, но если у него была смѣлость предпринять это, то у него была слабость отрицать этотъ фактъ въ брошюрѣ, изданной имъ въ Парижѣ въ 1823 г.

²⁾ Теперь графъ, генералъ-лейтенантъ и генералъ-адъютантъ Императора Александра I.

³⁾ Этотъ проектъ былъ превосходенъ и если бы его исполнили съ той же энергіей и быстротой, съ какою онъ былъ составленъ, французская армія не могла бы дойти до Смоленска и погибла бы вся около Днѣпра. Ея поги-

ломъ Барклаемъ ¹⁾, который именно въ это время былъ раздраженъ неблагодарностью своихъ согражданъ ²⁾ и очень опечаленъ сплетнями, которыхъ онъ былъ предметомъ; посмотрѣвъ его планъ онъ посовѣтовалъ ему отнестись къ генералу Бенигсену ³⁾, исполнявшему тогда должность начальника главнаго штаба.

бѣль была бы еще вѣрнѣе, если бы Чичаговъ очутился на правомъ берегу Днѣпра. На другой день послѣ Тарутинскаго сраженія Кутузовъ долженъ былъ форсированнымъ маршемъ двинуться на Верею или даже на Можайскъ, тѣмъ болѣе, что у него съ собою было 30 т. казаковъ *).

¹⁾ Всѣ эти подробности я узналъ отъ Мишо, Кутузова и Барклая.

²⁾ Многие громко обвиняли Барклая въ измѣнничествѣ и въ томъ, что онъ позволилъ неприятелю завладѣть Москвою; они не понимали, что это отступление, такъ хорошо обдуманное, было необходимо, оно-то и спасло Россію. Это недовольство сильно обезкураживало Барклая и онъ даже искалъ смерти въ Бородинскомъ сраженіи. Когда Государь, въ Вильнѣ, узналъ объ его планѣ отступления, онъ вполне одобрилъ его; Бенигсенъ раздѣлилъ его мнѣніе. Въ общемъ, въ Вильнѣ много совѣтовались и спорили объ этомъ. Одинъ прусскій генералъ Фуль былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей, а итальянецъ маркизъ Паулуччи (Paulucci), умный и смѣлый—былъ однимъ изъ крикуновъ. Государь послушалъ Барклая и Бенигсена и былъ правъ, тѣмъ болѣе, что вѣдь проектъ отступления доходилъ только до Смоленска, а его продолженіе до Москвы—послѣдствія неожиданныхъ событій и обстоятельствъ.

³⁾ Бенигсенъ былъ тогда единственнымъ генераломъ (послѣ эрцгерцога Карла), который остановилъ и побѣдилъ Наполеона въ Польскихъ кампаніяхъ 1806 и 1807 гг., это былъ одинъ изъ первыхъ тактиковъ въ Европѣ и конечно, какъ лучший генералъ въ Россіи, могъ оказать сопротивленіе своему неприятелю; но онъ былъ иностранецъ и потому ему не ввѣряли никакого командованія. Онъ служилъ подъ начальствомъ Кутузова и дѣйствительно положилъ душу свою для спасенія принявшаго его отечества. Прокомандовавъ арміей въ продолженіе удачной для Россіи войны, онъ вызвался исполнять должность начальника главнаго штаба вмѣсто одного генерала, которому этимъ оказалъ большую услугу, тѣмъ болѣе, что превосходилъ его талантами и энергіей. Но ихъ какъ-то поссорили и скоро ихъ непріязненные отношенія перешли въ открытую вражду. Бенигсенъ покинулъ армію. Онъ былъ

*) Кутузовъ не могъ двинуться на Можайскъ на другой день послѣ Тарутинскаго сраженія, такъ какъ, не имѣя свѣдѣній о французской арміи, онъ опасался за южныя губерніи и старался ихъ прикрыть. Въ этомъ мнѣніи, что югу угрожаетъ опасность, его еще болѣе убѣдило блестящее демонстративное движеніе Наполеона къ Малоярославцу, слѣдствіемъ чего и было отступление Кутузова къ полотнянымъ заводамъ для лучшаго прикрытія Калуги съ ея запасами.

Изъ этого плана Бенигсенъ вынесъ такое же заключеніе, какъ и Барклай, и своимъ совѣтомъ заставилъ Кутузова принять этотъ планъ. Вслѣдъ за тѣмъ, Мишо былъ отправленъ въ Петербургъ.

Офицеръ этотъ, принятый на службу въ 1799 г. въ Италіи Суворовымъ и служившій всегда въ Молдавской арміи, никогда не былъ въ столицѣ и не видалъ Государя. Приѣхавъ въ Петербургъ, онъ былъ принятъ Императоромъ, которому и объяснилъ свой планъ. Когда Государь не только одобрилъ его, но и приказалъ привести въ исполненіе, то Мишо увѣрилъ его, что черезъ шесть мѣсяцевъ русская территория будетъ освобождена отъ враговъ. „Ваше Величество — прибавилъ онъ — одно только беспокоитъ Вашу армію“. — „Что же?“ — „Опасаются, чтобы Ваше Величество не заключили-бы мира“. — „Никогда!“ — „Въ такомъ случаѣ, я заранѣе поздравляю Ваше Величество съ побѣдой“. Затѣмъ Мишо передалъ Государю желаніе всей арміи, чтобы Государь самъ командовалъ ею.

Отвѣтъ Государя вполнѣ очертилъ его характеръ. Постѣ

легко раненъ въ Тарутинскомъ сраженіи, планъ котораго онъ самъ составилъ и результатъ сраженія былъ успѣшенъ *). Кутузовъ тоже долго былъ въ бездѣйствіи; онъ только недавно получилъ командованіе арміей. Когда отступленіе наше произвело ропотъ и недовольство между народомъ и, особенно, между придворными, то Государь, опечаленный этимъ недовольствомъ, рѣшилъ назначить одного главнокомандующаго надъ двумя арміями: Барклая и Багратиона. Подходящими для этого назначенія были: графъ Паленъ и Кутузовъ. Первый былъ энергичнѣе и обладалъ лучшимъ характеромъ, чѣмъ Кутузовъ, но у Государя были какія-то причины не любить Палена и онъ выбралъ Кутузова, котораго тоже не особенно уважалъ.

*) Графъ Ланжеронъ, очевидно, изъ-за личной неприязни къ Толю, приписываетъ идею Тарутинскаго сраженія Бенигсену. Судя по сочиненію ген. Богдановича, Толъ былъ душою всего предпріятія: онъ производилъ рекогносцировки, онъ же составилъ и диспозицію для всей арміи, что и высказано въ Высочайшемъ рескриптѣ, при пожалованіи Толю ордена Анны 1 ст. за это сраженіе. Бенигсенъ же только одобрилъ проектъ Толя, и ему было вѣрено командованіе войсками, назначенными для обхода неприятельской позиціи (Исторія Отечеств. войны въ 1812 г. стр. 470—475).

Редак.

минуты раздумья, онъ отвѣтилъ такъ: „Дорогой полковникъ, мнѣ очень лестно, что моя армія желаетъ вмѣстѣ со мною раздѣлить и опасность, и славу, но я боюсь самого себя; вы знаете, каждый человекъ имѣетъ нѣкоторую долю самолюбія и у меня оно есть, также, какъ у другихъ; я не могу скрыть отъ себя, что для того, чтобы управлять войной, у меня нѣтъ ни привычки, ни тѣхъ талантовъ, какіе были у моего предшественника, а мнѣ иногда очень хотѣлось бы приказывать, повелѣвать и т. д. и я дрожу отъ мысли, что я могу быть причиной бѣдствія или потери многихъ жизней; но тѣмъ не менѣе, я совсѣмъ не отказываюсь сражаться вмѣстѣ съ вами, а вести себя я буду какъ потребуютъ обстоятельства“.

Черезъ 2 мѣсяца Государь былъ въ арміи и его присутствіе, мужество и военные таланты были причиною успѣха кампаній 1813 и 1814 гг. и взятія Парижа, которымъ такъ блистательно онъ закончилъ войну ¹⁾.

¹⁾ Мы видимъ, что мы обязаны единственно иностранцу Мишо, исполненіе плана котораго спасло Россію. Тѣмъ не менѣе, баронъ Толъ, теперь ген.-адъют. Государя, генералъ-аншефъ и начальникъ главнаго штаба арміи, старался распространить слухъ, что авторомъ этого плана былъ онъ. Прикомандированный тогда къ главной квартирѣ Кутузова, которымъ онъ былъ воспитанъ въ кадетскомъ корпусѣ, онъ былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, поощрялъ его лѣнность, часто бралъ на себя его труды и даже думалъ за него. Его же интриги и заставили Бенигсена покинуть армію.

Всѣ любезности и благодарности Толъ выслушивалъ съ ложной скромностью, но время скоро показало истину. Везспорно, Толъ, по своему образованію и талантамъ, былъ достоинъ командовать корпусомъ или занимать ту должность, которую онъ временно исполнялъ, но онъ воображалъ, что онъ лучший генералъ въ свѣтѣ, что конечно мѣшало службѣ. Я искренно жалѣю тѣхъ, которымъ придется служить подъ его начальствомъ. Какъ начальникъ, какъ товарищъ, какъ подчиненный, съ своимъ самолюбіемъ, педантичностью и дерзостью, онъ былъ невыносимъ. Когда, въ 1812 г., Толъ прочелъ въ одной французской газетѣ, что всѣ операціи Кутузовской арміи приписывали ему, онъ страшно возгордился этимъ; но въ этой кампаніи, исключая Тарутинскаго сраженія (которымъ мы обязаны Бенигсену) и фланговаго движенія (дѣйствія Мишо) двухъ большихъ армій, которое и произвело главный упадокъ во французской арміи, всѣ остальные Куту-

Едва только кончились 2 недѣли перемирія, какъ Кутузовъ, 6-го октября, атаковалъ сильный непріятельскій авангардъ, бывший подъ командою Мюрата, который потерялъ много людей, 36 пушекъ и въ страшномъ беспорядкѣ былъ отброшенъ къ Москвѣ. Этотъ ударъ открылъ, наконецъ, глаза Наполеону, но уже было поздно. Стоялъ октябрь мѣсяцъ и это было въ Россіи! нельзя было терять ни минуты; но, когда Наполеонъ рѣшился на отступление, то это уже сдѣлать было невозможно, не перенеся самыя ужасныя несчастія и не потерявъ почти всей арміи.

Отступление Наполеонъ началъ 6-го октября, а самъ лично выѣхалъ на другой день. Въ Москвѣ онъ оставилъ маршала Мортье, который пробылъ тамъ нѣсколько дней; а передъ тѣмъ, чтобы покинуть столицу, онъ исполнилъ приказаніе Наполеона, который велѣлъ ему сжечь остатки этого несчастнаго города, а особенно, дома Растопчина и Разумовскаго (которые, впрочемъ, были спасены своими владѣльцами), взорвать Кремль и древніе царскіе дворцы. Низкая и смѣшная мѣсть! бесполезное преступленіе, достойное только авантюриста!

Кутузовъ, начавъ проектированное фланговое движеніе, занялъ Калужскую дорогу. При Малоярославцѣ произошло ужасное сраженіе 12-го октября; затѣмъ еще одно было при Красномъ 22-го октября, одно 28-го октября¹⁾, когда

зовскія операціи: его отступление, выборъ позицій, диспозиція подъ Бородинымъ, его медленность въ преслѣдованіи..., вообще все это не дѣлало замѣчательнымъ ни самого генераль-аншефа, ни его совѣтника. Тѣмъ не менѣе Толь рѣшился (какъ онъ говорилъ, чтобы отменить памяти Кутузова) напечатать въ газетахъ письмо, въ которомъ, было очевидно, онъ хотѣлъ отдѣлать свои дѣйствія. Это письмо, чрезвычайно длинное, написанное по-французски, слогомъ очень тяжелымъ, педантичнымъ, растянутымъ, напыщеннымъ и совершенно нѣмецкимъ, сдѣлало автора просто смѣшнымъ.

¹⁾ 22-го октября было сраженіе при Вязьмѣ, а 28-го октября—сдача гр. Орлову-Денисову Ожеро съ 1650 чел. при Ляховѣ и пораженіе вице-короля на переправѣ черезъ р. Воль, войсками Платова (Исторія Отечеств. войны въ 1812 г. Т. III, стр. 77—78; 95).

Редакт.

арьергардомъ командовалъ Ней, и еще нѣсколько 5-го и 6-го ноября.

Наконецъ, Наполеонъ успѣлъ пройти, а Кутузовъ, котораго упрекали въ томъ, что не сдѣлалъ всего, чтобы его остановить, началъ его преслѣдовать, но слишкомъ медленно.

Наполеонъ съ своими изнуренными солдатами перегналъ его на 5 переходовъ! Да, долго описывать всѣ ошибки Кутузова и я удовлетворюсь перечисленіемъ только нѣсколькихъ. Если бы Кутузовъ, на другой день послѣ Тарутинскаго сраженія, началъ фланговое движеніе и приблизился къ Москвѣ или лучше къ Смоленской дорогѣ, онъ могъ бы преслѣдовать отступавшихъ французовъ; но онъ не зналъ объ отступленіи Наполеона, и только черезъ 4 дня послѣ того, какъ французы покинули Москву, онъ началъ движеніе. Но онъ все-таки могъ бы ихъ отрѣзать, тѣмъ болѣе, что ихъ настигъ въ Малоярославцѣ, въ Красномъ и т. д. Онъ могъ бы свободно быть въ Смоленскѣ раньше ихъ, такъ какъ его солдаты были хорошо одѣты, накормлены и не измучены; у него было 12 т. прекрасной кавалеріи, 30 т. казаковъ, а преслѣдовалъ онъ непріятели измученнаго, ослабленнаго, безъ кавалеріи, безъ запряжки для артиллеріи; но кажется онъ самъ покровительствовалъ этому бѣгству непріятели. Онъ остановился на 2 дня въ Красномъ, на 3 дня на Днѣпрѣ и, наконецъ, вмѣсто того, чтобы шагъ за шагомъ слѣдовать за бѣглецами или даже прибыть раньше ихъ въ Борисовъ, онъ беретъ другое направленіе, удаляясь влѣво, хотя онъ отлично могъ знать отъ казаковъ, по какой дорогѣ пойдетъ Наполеонъ.

Кутузовъ почти никогда не ѣздилъ верхомъ, онъ всегда путешествовалъ въ своей каретѣ, спалъ по 15 часовъ, былъ тяжелъ и самъ лично не присутствовалъ ни въ одномъ дѣлѣ. Его генералы, если и получали отъ него какія-либо приказанія, то всегда почти слишкомъ поздно. Милорадовичъ

и Платовъ, командовавшіе авангардами, тоже очень виноваты въ такомъ преслѣдованіи непріятеля; они пропустили много удобныхъ случаевъ. Всякій другой генераль, на мѣстѣ Кутузова, былъ бы уже въ центрѣ Германіи и тогда война и политика совсѣмъ перемѣнили бы свое направленіе.

Вотъ что говорятъ всѣ тѣ, которые не были сторонниками Кутузова; онъ зналъ это и вотъ что я слышалъ, сказанное имъ въ Вильнѣ въ свое оправданіе: „меня обвиняютъ въ томъ, что я преслѣдовалъ Наполеона слишкомъ медленно и въ томъ, что отъ Днѣпра я взялъ неправильное направленіе. На послѣднее отвѣчу такъ: взявши направленіе на лѣво, я хотѣлъ помѣшать Шварценбергу двигаться къ Березинѣ и я не сомнѣвался въ томъ, что Чичаговъ, если не разобьетъ совсѣмъ Наполеона при этой рѣкѣ, то во всякомъ случаѣ задержать его, чтобы дать мнѣ время прибыть въ Вильну или на Нѣманъ раньше Наполеона. Относительно же моей медленности въ преслѣдованіи, я начну съ того, что признаюсь, что и не воображалъ и не могъ себѣ представить (хотя меня и увѣрили), до какой степени французская армія была уже разрушена; я предполагалъ тамъ по крайней мѣрѣ 80 т. солдатъ, но я былъ увѣренъ, что передъ тѣмъ, какъ прибыть на Нѣманъ, эти 80 т. уже не будутъ болѣе существовать. Я зналъ таланты Наполеона на полѣ сраженія и я разсудилъ, что необходимость побѣды можетъ удвоить силы и мужество солдатъ его; а если бы я потерялъ хоть одно сраженіе, то я помрачилъ бы славу моей арміи и потерялъ результаты той политики, которая вскорѣ послѣ этого дала намъ столькихъ союзниковъ. Долженъ ли я жертвовать сомнительнымъ сраженіемъ ради случая, когда я былъ увѣренъ, что все равно буду побѣдителемъ, надѣясь на гибель непріятеля отъ голода, усталости и непривычнаго климата“.

Хотя это объясненіе было и очень благовидно, но все-

таки можно сказать, что подобная осторожность вполне подходитъ къ характеру Кутузова. Съ каждымъ днемъ во французской арміи бѣдствія увеличивались, корпуса были разстроены, а слабые и отсталые французы были убиваемы крестьянами.

Казачи повсюду рыскали около огромной колонны бѣглецовъ, не позволяя никому удалиться съ большой дороги, чтобы въ деревняхъ искать себѣ какое-нибудь пропитаніе, оставшееся отъ пожаровъ. Лошади, за недостаткомъ фуража, издыхали и валялись по дорогѣ; экипажи, за ненадобностью, сжигались. Но съ самаго начала отступленія погода все время еще стояла очень хорошая и даже теплая; снѣгъ показался только 25-го октября; тутъ-то и начались морозы, которые были милостивымъ концомъ для тѣхъ, которыхъ Наполеонъ, удовлетворяя свое честолюбіе, оторвалъ отъ ихъ семей. Онъ самъ называлъ ихъ „пушечнымъ мясомъ“.

Когда онъ уѣхалъ изъ Москвы, въ его арміи было около 100 т. чел.; въ Смоленскѣ у него оставалось только 42 т., а около Березины оставались корпуса Виктора и Удино съ частью гвардіи, что вмѣстѣ составляло 26 т. чел. Черезъ три дня послѣ Березинскаго сраженія осталось изъ нихъ только 8 или 9 т. тысячъ.

Можно ли себѣ вообразить, что Наполеонъ, предпринимая въ Россію такой длинный походъ, который долженъ былъ захватить и зимнее время, не принялъ никакихъ предосторожностей, чтобы предохранить своихъ солдатъ отъ морозовъ и суроваго климата! у этихъ несчастныхъ жертвъ не было даже шинелей и суконныхъ панталонъ и они въ лѣтнихъ костюмахъ собирались стоять биваками въ снѣгу! Подобная безпечность скорѣе удивительна, чѣмъ преступна. Но возобновимъ снова нить военныхъ событій, прерванныхъ отступленіемъ, которое я позволилъ себѣ, увѣренный въ его

интересъ, не чуждомъ для нашей арміи и важномъ самимъ по себѣ.

Наши марши и наши проекты были сохранены въ величайшемъ секретѣ, такъ что непріятель былъ въ полномъ невѣдѣніи относительно нашего движенія. Во французской арміи офицеры и многіе генералы совсѣмъ не знали о нашемъ мирѣ съ турками¹⁾; польскіе крестьяне не могли служить имъ; они были слишкомъ неразвиты для подобнаго ремесла; высшему же классу было очень трудно проникнуть въ наши виды, а евреи, какъ я уже говорилъ, были намъ привержены²⁾ и для французовъ могли быть опасными шпионами; они могли скорѣе обмануть ихъ, нежели исполнить возложенную на нихъ обязанность.

Непріятель, видя повсюду нашихъ партизановъ и казаковъ, думалъ, что наши авангарды не что иное, какъ партизанскіе отряды; ему совсѣмъ не было извѣстно о положеніи нашей восточной арміи и о всемъ томъ, что произошло на Бугѣ, гдѣ былъ Шварценбергъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ трудности, съ которыми непріятель добывалъ вѣрныя извѣстія, нельзя извинить Минскаго губернатора, польскаго генерала Брониковскаго въ томъ, что онъ не имѣлъ никакого представленія о движеніи 35 т. арміи, которая употребила 15 дней, чтобы пройти отъ Бреста къ Минску. Если бы

¹⁾ Послѣ Новосверженскаго сраженія, одинъ французскій офицеръ главнаго штаба, раненый и взятый въ плѣнъ, спросилъ меня: изъ какой я арміи? и когда я отвѣтилъ, что изъ Молдавской, то онъ, казалось, былъ очень удивленъ и просилъ меня рассказать ему, въ какихъ отношеніяхъ мы съ турками. Я ему сказалъ, что мы заключили съ ними миръ; тогда онъ поразился нашему счастью и прибавилъ: «надо признаться, что вы гораздо ловчѣе насъ въ политикѣ». На мое удивленіе относительно его словъ, онъ отвѣтилъ такъ: «Какъ можемъ мы знать что-нибудь, когда въ качествѣ шпионовъ мы можемъ употреблять только евреевъ, а они всѣ за васъ». Онъ былъ правъ; эта приверженность евреевъ была намъ очень полезна.

²⁾ Вѣрнѣе, евреи были и за насъ, и за французовъ, преслѣдуя только денежныя интересы.

даже, не догадываясь о нашемъ движеніи (котораго въ самомъ дѣлѣ онъ не могъ предполагать), онъ, изъ простой мѣры предосторожности, выслалъ на всѣ дороги нѣсколькихъ офицеровъ, чтобы только узнать, гдѣ находятся наши партизаны, то невозможно было бы предположить, чтобы хоть одинъ изъ нихъ не открылъ нашего наступленія. Тогда онъ могъ бы во-время предупредить Удино, Виктора, Луазона¹⁾ Домбровскаго и даже самого Наполеона; но онъ не только не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности, но его ослѣпленіе, неосмотрительность и безпечность были такъ велики, что, когда наши войска вошли въ Минскъ, онъ самъ едва успѣлъ спастись. Относительно госпиталей онъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій, не оставилъ тамъ ни провіанта, ни запасовъ, а также не распорядился относительно магазиновъ, которые онъ долженъ былъ сжечь. Пораженіе Косецкаго надъ Новосверженемъ и въ Кайдановѣ не могло дать ему никакого понятія о силѣ нашихъ авангардовъ. Онъ пожертвовалъ этимъ генераломъ, выставивъ его на правомъ берегу Нѣмана съ 3 т. чел. разныхъ націй и разнаго оружія, вмѣсто того, чтобы поставить его на правомъ берегу, позади каменнаго моста, съ приказаніемъ разрушить этотъ мостъ, что задержало бы насъ по крайней мѣрѣ на одинъ день. Когда Косецкій, чуть не одинъ, прибылъ въ Минскъ, Брониковскій думалъ, что онъ былъ разбитъ только одними партизанами. Партизаны не могли ни имѣть 6 т. войска, ни разбить 3 т. отрядъ!

Въ Минскѣ мы нашли большіе магазины. Наполеонъ помѣстилъ тамъ запасы муки, фуража, водки, полученные

¹⁾ Если бы генералъ Луазонъ, подъ начальствомъ котораго было около 12 т. челов., подошелъ къ Ошмянамъ или къ Молодечно, то можетъ быть помѣшалъ бы нашему движенію или, по крайней мѣрѣ, ослабилъ бы насъ, заставивъ отрядить противъ него корпусъ, равный его силамъ. Но онъ былъ очень далеко и прибылъ въ Вильну только 15-го ноября.

со всѣхъ занятыхъ имъ частей Польши; тутъ было чѣмъ кормить армію въ продолженіе части зимы ¹⁾.

5 т. несчастныхъ страдали въ госпиталяхъ, если можно назвать такъ эти заразные берлоги, наполненные печальными жертвами честолюбія самаго эгоистичнаго изъ деспотовъ. Никогда я еще не видѣлъ такого отвратительнаго и такого ужаснаго зрѣлища: раненые были безъ одѣяль, безъ подстилки, не имѣли никого, кто бы за ними ухаживалъ; они умирали отъ нужды, лишеній и зараженія воздуха. Полуразложившіеся трупы оставались въ комнатахъ по нѣсколькимъ дней, покуда кто-нибудь не подумаетъ ихъ похоронить. Раненые, вмѣсто корпіи, перевязывали свои раны сѣномъ и, вмѣсто бинтовъ, ремнями; многіе изъ этихъ несчастныхъ мнѣ говорили, что они иногда цѣлыя недѣли сидѣли только на одной мутной водѣ и на ужасномъ хлѣбѣ; рубашки ихъ падали лохмотьями съ ихъ тѣла....

Всегда бываетъ виноватъ генераль, если онъ не позаботится о всемъ необходимомъ для больныхъ и раненыхъ своей арміи или когда онъ совершенно равнодушно относится къ возложеннымъ на него священнымъ обязанностямъ. Но иногда еще болѣе виноватъ полководецъ по отношенію къ своимъ солдатамъ, потому что все зависитъ отъ него и на немъ лежитъ единственный трудъ приказывать и наблюдать, чтобы его приказанія исполнялись.

Незадолго до нашего прибытія въ Минскъ, съ нами сое-

¹⁾ Эти магазины были разграблены и въ этомъ обвиняють дежурнаго генерала Тучкова и казачьяго полковника Исеева. Они были высланы изъ арміи и отданы подъ судъ. Послѣ 3-хъ лѣтней процедуры они были признаны виновными, но ихъ наказаніе ограничилось только увольненіемъ отъ службы.

Жена графа де-Ламберта, къ несчастію для своего достойнаго супруга, никогда его не покидавшая, была тоже заподозрена въ лихоимствѣ. Эта женщина, по своему рожденію, воспитанію, по своему характеру и по своей жестокости къ другимъ и даже къ своей наружности, была стыдомъ чело-вѣчества и бичемъ для окружавшихъ ее.

динились генералы: Лидерсъ, Гангебловъ и Рудзевичъ съ 4 т. челов. Этотъ отрядъ составляли: нѣсколько эскадроновъ, двѣ батареи артиллеріи и 12-й и 22-й егерскіе полки.

Рудзевичъ былъ для насъ хорошимъ приобрѣтеніемъ, а Гангебловъ и Лидерсъ только раздѣляли трудности похода.

Герцогъ Ришелье, военный губернаторъ въ Херсонѣ, тоже долженъ былъ присоединиться къ нашей арміи, чтобы вмѣстѣ служить, и онъ уже послалъ ко мнѣ своихъ адъютантовъ, но въ это время въ его губерніи ¹⁾, главнымъ образомъ въ Одессѣ, появилась чума; это задержало его и лишило возможности служить въ арміи во время этой и слѣдующей кампаній.

Въ Минскѣ мы узнали о сраженіяхъ при Тарутинѣ и Малоарославцѣ, объ отступленіи или, лучше сказать, о бѣгствѣ французской арміи изъ Москвы, объ ужасномъ ея положеніи и о надеждѣ, которую возлагали на наше содѣйствіе, чтобы разрушить остатки этой арміи.

Минскъ не представлялъ для насъ интереса оставаться въ немъ; идти на Днѣпръ у насъ не было времени, а потому нужно было торопиться двигаться къ Березинѣ, чтобы отрѣзать непріятелю путь его отступленія.

Авангардъ графа де-Ламберта, усиленный нѣсколькими полками, отправился на Борисовъ, по большой Виленской дорогѣ, черезъ Минскъ, а я слѣдовалъ за нимъ съ своимъ корпусомъ ²⁾.

Адмиралъ Чичаговъ, съ другой частью арміи, шелъ по старой дорогѣ на Устцы и Антонополь, а генераль Чаплицъ былъ посланъ по направленію Зембина.

¹⁾ Эта чума унесла много народу въ Одессѣ, Крыму и Херсонской губ.; это былъ новый ударъ для Россіи, тогда угрожаемой 600 т. враговъ и голодомъ, который, конечно, былъ результатомъ этого нашествія.

²⁾ Во время этого похода мы были поражены ужаснымъ зрѣлищемъ: вся дорога была покрыта мертвыми и умирающими, бѣжавшими изъ Минскихъ госпиталей.

Это движеніе Чаплица еще болѣе обмануло генерала Брониковскаго, который тогда находился въ Борисовѣ и который направилъ собранный имъ небольшой отрядъ на Веселово. Такимъ образомъ, предмостное укрѣпленіе въ Борисовѣ, бывшее самымъ важнымъ пунктомъ всей непріятельской операціонной линіи, находящееся на единственномъ оставшемся у нихъ пути отступленія, вмѣсто того, чтобы быть занятымъ 3 т. или 4 т. отряда Брониковскаго, 10 т. или 12 т. корпуса Удино, которыхъ онъ могъ бы туда послать, если бы былъ предувѣдомленъ заранѣе, и 5 т. или 6 т. корпуса Домбровскаго (въ общемъ до 20 т. человѣкъ и 60 пушекъ), въ дѣйствительности было занято одними войсками Домбровскаго ¹⁾, который прибылъ туда только 8-го ноября вечеромъ и въ темнотѣ расположился вправо отъ ретраншемента, на большой Зембинской дорогѣ.

Предмостное укрѣпленіе Борисова было построено русскими еще до начала кампаніи; оно было довольно обширно и не вполне окончено. Враги оставили его такимъ же, какъ оно было ими найдено.

Несмотря на всѣ старанія, графъ де-Ламбертъ не могъ прибыть въ Борисовъ раньше Домбровскаго; онъ зналъ всѣ подробности его движенія и получилъ всѣ свѣдѣнія о непріятелѣ. Ламбертъ рѣшился, не теряя времени и не давая непріятелю возможности укрѣпиться, атаковать его на разсвѣтѣ. Онъ скрылъ свой корпусъ въ лѣсу, въ 3-хъ верстахъ отъ укрѣпленія, и запретилъ зажигать огни. 9-го (21-го) ноября, въ 7 часовъ утра, онъ атаковалъ непріятеля и взялъ предмостное укрѣпленіе.

Это было одно изъ самыхъ блестящихъ дѣлъ въ этой кампаніи; оно упрочило репутацію Ламберта и могло бы

¹⁾ Домбровскій оставилъ цѣлый полкъ и нѣсколько другихъ отрядовъ для наблюденія за Эртелемъ; такъ что подъ ружьемъ имѣлъ только 4 или 5 тысячъ человѣкъ.

сильно способствовать гибели Наполеона, если бы имъ сумѣли воспользоваться.

Домбровскій ничего не зналъ о положеніи Ламберта и спокойно проводилъ ночь въ Борисовѣ съ Брониковскимъ, кн. Константиномъ Чарторижскимъ и кн. Сулковскимъ; ихъ разбудила пальба изъ орудій.

Борисовъ, расположенный на лѣвомъ берегу Березины, отстоитъ довольно далеко отъ предмостнаго укрѣпленія; между ними много болотъ и узкій и длинный, въ 300 саж., мостъ, перекинутый черезъ эти болота и рѣку.

Ламбертъ повелъ атаку нѣсколькими колоннами; поляки защищались съ героизмомъ, достойнымъ лучшей участи; въ ихъ отрядѣ было два великолѣпныхъ полка, 1-й и 6-й. Домбровскій, поспѣвшій прибыть послѣ первыхъ выстрѣловъ, проявилъ много твердости и таланта; онъ дрался съ ожесточеніемъ и искусствомъ и превосходно былъ поддержанъ своими подчиненными. Бой былъ упорный и продолжительный; наши колонны были нѣсколько разъ отброшены, но каждый разъ возобновляли атаку съ новымъ жаромъ. Артиллерійская батарея Магденко съ колоннами пѣхоты достигла ретраншемента, при этомъ потеряла половину людей, но покрыла себя славой. Наконецъ, овладѣли ретраншементами; отступление непріятеля черезъ мостъ было сначала отрѣзано нашими войсками, но Домбровскій, быстрымъ и хорошо рассчитаннымъ движеніемъ влѣво, возстановилъ сообщеніе съ мостомъ, прикрываясь небольшой флешью, находящейся на мосту. Благодаря этому, ему самому съ нѣсколькими офицерами и третьєю частью его войскъ удалось отступить; остальная часть его корпуса или пробилла дорогу себѣ штыками или положила оружіе передъ врагомъ; 1 т. поляковъ погибли въ бою, 2 т. взяты въ плѣнъ вмѣстѣ съ 24 пушками.

Послѣдній моментъ сраженія былъ для насъ роковымъ, благодаря серьезной ранѣ гр. Ламберта въ ногу, отнявшей

его у насъ на эту кампанію и на большую часть войны 1813 г. Я прибылъ на присоединеніе къ авангарду именно въ тотъ моментъ, когда Ламбертъ только что былъ раненъ, а ретраншементы взяты, но огонь все еще продолжался. Я принялъ командованіе, перешелъ мостъ и занялъ Борисовъ, откуда польскіе генералы бѣжали съ такою поспѣшностью, что даже оставили тамъ свои мундиры и всѣ вещи.

Это сраженіе, такъ счастливо и быстро исполненное, дало намъ возможность обладать обоими берегами Березины. Казалось все увѣряло насъ въ пораженіи противника и это было вѣроятно..., но нами командовалъ Чичаговъ, а это былъ ангель-хранитель Наполеона!

Ни въ одной исторіи войнъ, никогда не найду примѣровъ подобныхъ позицій, которыя тогда занимали русскія и французскія войска! прилагаемая карта даетъ объ этомъ нѣкоторое понятіе ¹⁾. Всѣ арміи, всѣ корпуса были такъ перемѣшаны, что имѣли непріятелей впереди и позади себя.

Въ первый же вечеръ моего приѣзда въ Борисовъ, мнѣ доложили, что какой-то еврей имѣетъ мнѣ что-то передать подь большимъ секретомъ. Я позвалъ его къ себѣ; онъ спросилъ меня: я ли адмиралъ Чичаговъ? и когда я ему отвѣтилъ, что не имѣю чести быть имъ, еврей, казалось, былъ очень опечаленъ и сказалъ мнѣ, что онъ имѣетъ передать Чичагову очень важныя вещи, которыя не терпятъ отлагательства. Тогда я сказалъ, что я въ арміи второй генералъ, что адмиралъ далеко еще и что онъ свободно можетъ мнѣ довѣрить свою тайну; еврей согласился и, поднявъ край своей загрязненной одежды, онъ вытащилъ изъ-подъ подкладки бумагу въ 2 фута въ квадратъ и передалъ ее мнѣ. Это была записка отъ Витгенштейна. Онъ былъ предувѣдомленъ о нашемъ движеніи полковникомъ Чернышевымъ, откомандированнымъ отъ нашей арміи въ Слонимъ, чтобы

¹⁾ Карты не приложено къ переводу.

передать Витгенштейну всѣ извѣстія о насъ. Благодаря своей смѣлности и предприимчивости, онъ счастливо исполнилъ это порученіе. Онъ перешелъ операціонную линію непріятельской арміи между Иліей и Молодечно, освободилъ въ Радоскевичахъ генералъ-лейтенанта Винцингероде и полковника Льва Нарышкина, которыхъ захватили въ Москвѣ и вели во Францію, счастливо достигъ главной квартиры Витгенштейна и извѣстилъ его о движеніи и положеніи нашей арміи.

Графъ Витгенштейнъ писалъ Чичагову, что онъ собирается атаковать Виктора и Удино и что онъ надѣется быть въ Борисовѣ почти въ одно время съ нами.

Этотъ еврей прошелъ черезъ корпуса этихъ двухъ маршаловъ и далъ мнѣ о нихъ самый точный отчетъ. Я ему заплатилъ 25 дукатовъ и послалъ его къ Витгенштейну съ запиской, въ которой извѣщалъ о нашемъ прибытіи и о взятіи предмостнаго укрѣпленія въ Борисовѣ. На другой день еврей счастливо догналъ Витгенштейна ¹⁾.

10-го ноября Чичаговъ прибылъ въ Борисовъ. Всѣ корпуса (исключая отряда Чаплица, который остался въ Бриляхъ передъ Веселовымъ, въ 10 верстахъ отъ нашего лѣваго фланга) соединились на правомъ берегу Березины и расположились вправо и влѣво отъ предмостнаго укрѣпленія. У насъ было болѣе 35 тысячъ прекрасныхъ солдатъ, а этого было вполнѣ достаточно, чтобы достигъ ожидаемыхъ результатовъ. Эти 35 тысячъ героевъ, привыкшіе къ войнамъ въ 10 кампаніяхъ, здоровые, свѣжіе, хорошо вооруженные, хорошо одѣтые могли бы торжествовать побѣду (если бы ихъ умѣли вести) надъ 80 тыс. несчастныхъ оборванныхъ, упавшихъ духомъ и деморализованныхъ солдатъ, съ которыми Наполеонъ бѣжалъ изъ Москвы.

¹⁾ Полк. Харкевичъ говоритъ, что всѣ эти извѣстія отъ графа Ланжерона въ главную квартиру Витгенштейна были привезены есауломъ Дукмазовымъ (Березина. Стр. 110).

Что намъ оставалось дѣлать въ томъ положеніи, въ которомъ находились мы послѣ полученныхъ приказаній? Этотъ вопросъ могъ разъяснить самый низшій изъ нашей арміи такъ же легко, какъ и самый лучший изъ нашихъ генераловъ. Нужно было оставаться на правомъ берегу Березины; этотъ берегъ очень возвышенный и командуетъ надъ городомъ и рѣкой; нужно было разрушить мостъ, размѣстить нашу многочисленную артиллерію на высотахъ и выслать казаковъ передъ Борисовъ, на путь отступленія непріятельской арміи, чтобы быть предупрежденнымъ о времени ея приближенія къ намъ и о направленіи, которое она приметъ; растянуть кавалерійскія части по лѣвому берегу рѣки вправо и влѣво, приготовить мостъ, который всегда можно было бы перебросить черезъ Березину въ томъ мѣстѣ, гдѣ графъ Витгенштейнъ подойдетъ къ намъ, и безъ потери времени соединиться съ нимъ; особенно необходимо было не дозволить никому утвердиться въ Борисовѣ и оставаться на бивакахъ въ предмостномъ укрѣпленіи; наконецъ, могли сжечь Борисовъ (но я нахожу, что эта мѣра хотя и была бы полезна, но слишкомъ жестока).

Но адмиралъ ничего этого не сдѣлалъ. Такъ какъ онъ не любилъ бивака, то онъ помѣстился въ лучшемъ домѣ Борисова; онъ позволилъ, даже приказалъ, всѣмъ генераламъ помѣститься тамъ же (я самъ имѣлъ слабость тоже помѣститься тамъ). Онъ расположилъ въ городѣ всю главную квартиру, весь обозъ арміи, перевязочный пунктъ, походную церковь, канцелярію главнаго штаба, инженерную и артиллерійскую. Онъ такъ наполнилъ городъ, что не было ни одной комнаты, которая не была бы занята нѣсколькими лицами, а экипажи заполняли всѣ улицы... и все это было на аванпостахъ, на дорогѣ, по которой ожидали непріятеля и которую защищала только слабая цѣпь казаковъ.

Въ это время мы узнали, что Кутузовъ прошелъ уже

Смоленскъ и Оршу и что Наполеонъ отъ насъ въ двухъ или самое большее въ трехъ переходахъ. Но ничто не могло нарушить спокойствія адмирала! ему даже бесполезно передавать какіе-либо наблюденія или совѣты, рискуя получить отъ него или сухой отказъ, или презрительное молчаніе, или какую-нибудь дерзость.

Наконецъ, 11-го ноября, нашъ адмиралъ выдумалъ проектъ движенія. Въ томъ положеніи, въ которомъ мы находились, только онъ одинъ могъ выдумать такой проектъ, опасность котораго была равна его нелѣпости, и въ случаѣ исполненія его мы бы всѣ были его жертвами.

Онъ приказалъ графу Павлу Палену, которому онъ довѣрилъ авангардъ, прежде бывший подъ командою де-Ламберта, отправиться по Смоленской дорогѣ, по направленію къ Лошницѣ и даже къ Бобру, а всѣмъ остальнымъ корпусамъ слѣдовать за нимъ въ одномъ или двухъ часовомъ разстояніи. Онъ хотѣлъ двигаться навстрѣчу Наполеону и раздавить его между собой и Кутузовымъ; но на той дорогѣ, по которой онъ хотѣлъ идти, не было ни одной хорошей позиціи, ни рѣки, которыя, въ случаѣ необходимости, мы могли бы занять; кромѣ того, мы подвергались быть разбитыми наголову массою непріятеля, тогда еще болѣе сильнаго, чѣмъ мы, и быть охваченными съ фланга и съ тыла Викторомъ и Удино, которые должны были прибыть въ Борисовъ черезъ Холопеничи.

Всѣ генералы были въ отчаяніи, но никто не смѣлъ говорить. Наконецъ, я прервалъ это молчаніе. Отыскавъ полковника главнаго штаба Рене, очень хорошаго офицера, которому Чичаговъ, кажется, довѣрялъ болѣе другихъ, я такъ сильно и увѣренно говорилъ съ нимъ, что онъ убѣдился въ правотѣ моихъ доводовъ и ему удалось, сообщая съ дежурнымъ генераломъ Инзовымъ, отмѣнить эти роковыя, уже отданныя приказанія.

Войска, собиравшіяся переходить мостъ, были остановлены, а авангарду было послано приказаніе возвратиться въ городъ. Былъ уже полдень.

Въ часъ дня мы услышали довольно живую перестрѣлку въ 4 или 5 верстахъ отъ города; то былъ атакованъ корпусомъ Удино нашъ авангардъ, неполучившій еще отмѣны приказанія. Въ одинъ мигъ войска авангарда ¹⁾ были опрокинуты и разбѣяны и достигли Борисова, потерпѣвъ полное пораженіе.

Враги вошли въ городъ вмѣстѣ съ авангардомъ; никто ихъ не ожидалъ и всѣ совершенно спокойно обѣдали; лошади были несѣдланы и незапряжены ²⁾, а пули уже свистали по улицамъ. Наши люди смѣшались; кавалерія, пѣхота, артиллерія съ своими пушками, все это бѣжало по направленію къ мосту! можно вообразить себѣ, какой безпорядокъ царствовалъ тогда въ главной квартирѣ, такъ неосторожно расположенной на аванпостахъ! Убѣгая, всѣ покинули экипажи, а многіе и обѣдъ, который былъ лишнимъ для французовъ. Накрытый для обѣда столъ адми-

¹⁾ Это былъ тотъ самый авангардъ, который покрылъ себя славою во время атаки предмостнаго укрѣпленія; это были тѣ самые прекрасные солдаты, которые участвовали въ 50 сраженіяхъ въ Турціи, въ Италіи и т. д. и которые теперь бѣжали почти не защищаясь! этого пораженія не случилось бы, если бы во главѣ отряда стоялъ графъ Ламбертъ! хотя Паленъ и очень храбръ, но онъ не обладаетъ тѣми военными способностями, которыми отличался Ламбертъ. Войска не знали Палена, а онъ не зналъ ихъ. Въ 2 ч. ночи онъ получилъ приказаніе начать движеніе въ 6 час., но не получилъ никакихъ положительныхъ инструкцій.

²⁾ Я былъ единственнымъ, предвидѣвшимъ катастрофу и велѣлъ запрягать моихъ лошадей; у меня было 3 кареты, 1 экипажъ и 2 маленькихъ фургона; въ одномъ были бумаги моей канцеляріи и довольно значительная сумма денегъ, принадлежащая кассѣ нашей арміи, полученная мною для водочныхъ порцій солдатамъ, а въ другомъ провизія. Этотъ послѣдній я потерялъ и былъ очень доволенъ, что мнѣ не пришлось оплакивать потерю перваго, что навлекло бы на меня большую отвѣтственность. Но лишние съѣстныхъ припасовъ, я и мой адъютантъ, мы просто умирали съ голоду. Двѣ повозки, которыя я спасъ, были пронизаны пулями.

рала былъ взятъ французами вмѣстѣ съ серебряной посудой, его вещами, одеждой и портфелемъ.

Наши потери были огромны и непоправимы. Наши раненые и больные брошены съ госпитальными вещами и всѣ погибли. Богатая полевая церковь арміи была потеряна. Инженерное управленіе, гдѣ находились всѣ самые драгоценные планы турецкой войны и карты страны, снятые нашими офицерами главнаго штаба и съ которыхъ не существовало копій, были оставлены въ каретахъ, попавшихъ въ руки французовъ. Многіе офицеры и денщики не успѣли спастись и остались плѣнниками. Пораженіе было полное. Адмиралъ на половину верхомъ, на половину пѣшкомъ достигъ высотъ праваго берега Березины, гдѣ на бивакахъ стояли наши войска; мы поступили такъ же.

Войновъ, чтобы помочь бѣглецамъ изъ авангарда и главной квартиры, вызвалъ изъ лагеря четыре баталіона.

Но положительно непостижимо, что въ подобной сумятицѣ мы не потеряли ни одной пушки, изъ бывшихъ въ авангардѣ, несмотря на безпорядокъ, бывший на улицахъ и, особенно, на мосту. Убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ у насъ было болѣе 1000 человекъ.

Весь слѣдующій день, 12-го ноября, на нашей сторонѣ прошелъ въ наблюденіи за непрерывнымъ вступленіемъ непріятельскихъ войскъ въ Борисовъ и въ окружающія его долины, гдѣ они и расположились бивакомъ. Мы хорошо различали Наполеона, Мюрата и другихъ генераловъ, которые пріѣхали 13-го (25-го), а уѣхали 14-го (26-го) на разсвѣтѣ въ Студянку, близъ Веселова, чтобы приготовить мосты для переправы. Этому мы могли и должны были помѣшать.

Между тѣмъ, утромъ 13-го ноября Чичаговъ получилъ отъ Кутузова извѣстіе, что онъ идетъ къ лѣвому берегу Березины, куда, предполагалъ онъ, направился и Наполеонъ, для соединенія съ Шварценбергомъ, бывшимъ уже передъ

Несвижемъ. Адмиралу же Кутузовъ предписывалъ слѣдить вправо отъ себя и идти навстрѣчу непріятелю, если онъ выберетъ означенную дорогу.

Этотъ приказъ, который далъ мнѣ прочесть Чичаговъ, былъ очень простъ, справедливъ и ясенъ. Кутузовъ не приказывалъ положительно двигаться направо, но онъ далъ ему только совѣтъ; онъ не могъ тогда отгадать замыслы Наполеона ¹⁾ и потому предоставлялъ Чичагову быть господиномъ своихъ движеній, если бы его предположенія оказались невѣрными.

Чичаговъ принялъ этотъ совѣтъ за приказаніе и распорядился еще болѣе нелѣпо, чѣмъ предполагалъ сдѣлать 11-го ноября ²⁾. Кутузовъ могъ думать, что Наполеонъ перейдетъ Березину у Игумена, но Чичаговъ, имѣлъ постоянно передъ глазами Наполеона и видѣлъ его войска, расположенныя въ окрестностяхъ Борисова; ни одинъ человекъ не могъ ускользнуть отъ нашего взгляда, ни одно движеніе не могло отъ насъ скрыться; мы занимали въ этой странѣ командующій берегъ.

Витгенштейнъ раздѣлялъ мнѣніе Кутузова относительно движенія Наполеона; однако, какъ Витгенштейнъ, такъ и Кутузовъ (съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлалъ ошибку, потерявъ его изъ вида) основывали свои мнѣнія только на однихъ предположеніяхъ. Когда же Витгенштейнъ увѣдомилъ объ этомъ Чичагова, то онъ окончательно потерялъ голову.

¹⁾ Это говорилъ Кутузовъ; но какъ онъ не могъ не знать направленія, принятаго Наполеономъ? что же дѣлалъ Милорадовичъ съ своимъ авангардомъ и Платовъ съ 25-ю тысячами казаковъ? Почему они дали выждать 3 дня этой изнуренной арміи для дальнѣйшаго движенія?

²⁾ Защитники Чичагова увѣрили, что Кутузовъ далъ этотъ приказъ для того, чтобы обмануть его и погубить, сдѣлавъ отвѣтственнымъ лицомъ за переправу Наполеона. Но обвиненіе это было совершенно несправедливо. Совершенно вѣрно, что Кутузовъ ненавидѣлъ Чичагова съ тѣхъ поръ, какъ тотъ замѣстилъ его въ Вухарестѣ, но конечно онъ не бросилъ бы на него тѣни и никогда бы не компрометировалъ его; развѣ только въ томъ случаѣ, если бы былъ поводъ подозрѣвать его въ государственной измѣнѣ.

Послѣдній ударъ нанесъ ему графъ д'Оруркъ, находившійся въ Шабашевичахъ, въ 27 верстахъ отъ насъ, донесъ, что видѣлъ непріятельскія войска; а также казачій полковникъ Луковкинъ, посланный вдоль Березины къ с. Игумену и с. Березинѣ; онъ доносилъ, что, перейдя р. Ушу, встрѣтилъ тамъ польскій полкъ, оставленный позади Домбровскимъ, для наблюденія за Эртелемъ, какъ я уже говорилъ выше. Адмиралъ видѣлъ въ этомъ полку даже авангардъ Наполеона. Упрямству адмирала нѣтъ названія. Предположимъ, что графъ д'Оруркъ и Луковкинъ ошиблись и что они положительно донесли, что видѣли Наполеона (хотя этого не было); предположимъ, что Витгенштейнъ ему написалъ, что знаетъ о движеніи Наполеона къ Березинѣ; предположимъ еще, что Кутузовъ отдалъ Чичагову формальный приказъ о движеніи, все же дѣйствія адмирала были безусловно непростительны. Повторяю, онъ постоянно видѣлъ Наполеона и его войска. На Витгенштейна сильно нападали за его походъ на Борисовъ и это было справедливо; между тѣмъ сторонники его увѣрили, что онъ вовсе не такъ виноватъ, какъ адмиралъ хотѣлъ его представить, сложивъ всю свою вину на него; тогда какъ онъ одинъ могъ помѣшать непріятелю переправиться черезъ Березину ¹⁾.

¹⁾ Когда я говорю о Витгенштейнѣ, надо подразумѣвать также и Довре и Дибича; одинъ былъ начальникомъ главнаго штаба, а другой генералъ-квартирмейстеромъ; они оба въ своихъ операціяхъ были подъ большимъ вліяніемъ своего генерала Витгенштейна, браваго героя, честнаго, прямодушнаго кавалериста; онъ былъ умный человекъ, но не получилъ хорошаго военнаго образованія, былъ нѣсколько лѣнивъ и не могъ безъ помощи сдѣлать ни одного плана сраженія или написать диспозицію для расположенія войскъ. Послѣ мира, Витгенштейнъ получилъ графство и былъ сдѣланъ начальникомъ 2-й арміи, къ которой онъ, благодаря своему характеру, относился очень индифферентно, занимаясь усовершенствованіемъ своего имѣнія, находившагося въ 70 верстахъ отъ его главной квартиры; тамъ онъ провелъ почти весь годъ и очень мало занимался своей арміей. Въ главной квартирѣ арміи генерала, въ Подоліи, въ продолженіе 5 лѣтъ, совершался ужасный заговоръ, который могъ причинить много вреда Россіи; но, къ счастью, заговоръ этотъ

Находившіеся противъ Витгенштейна Викторъ и Удино были извѣщены объ отступленіи Наполеона. Витгенштейнъ же ничего не зналъ.

Къ этимъ разсужденіямъ о Витгенштейнѣ можно прибавить еще „Записки офицера французской арміи о войнѣ Россіи съ Франціей“. Работа эта очень точная и вѣрная; видимо авторъ былъ человѣкъ военный, снабженный многими интересными подробностями, собирать которыя стоило ему не мало труда, но его оскорбительное пристрастіе къ соотечественникамъ и Наполеону, его непростительная несправедливость къ врагамъ и его грубые имъ упреки обнаруживаютъ въ каждомъ словѣ его бывшего свидѣтеля счастливыхъ дней Робеспьера и республики. Видимо, что сопротивленіе, оказанное русскими, отступление французозъ изъ Москвы и ихъ потери не нравились этому господину ¹⁾.

Вотъ что онъ говоритъ: „Знаменитая Березинская переправа предвѣщала намъ повтореніе Кавдинскаго ущелья. Но кто могъ знать, что такое счастливое стеченіе обстоятельствъ или такія серьезные ошибки Витгенштейна дадутъ возможность французамъ совершить переправу“. Сущность приказовъ, полученныхъ генераломъ, заключалась въ томъ, чтобы онъ, послѣ того какъ овладѣлъ Полоцкомъ и отбросилъ герцога (Reggio) Удино на войска Штейнгеля, долженъ немедленно ѣхать къ адмиралу Чичагову, черезъ Минскъ, и сообщ-

былъ разрушенъ; 8 адъютантовъ Витгенштейна, 6 офицеровъ его штаба и интендантъ его арміи были главными и активными заговорщиками, а самъ Витгенштейнъ и его начальникъ штаба Киселевъ никогда и не предполагали этого.

¹⁾ Авторъ этихъ записокъ, пылкій якобинецъ и революціонеръ; въ этомъ случаѣ онъ сходится во мнѣніи съ Чичаговымъ, который въ Парижѣ не видѣлъ другихъ людей, кромѣ таковыхъ же. Этотъ адмиралъ снабдилъ его всѣми имѣвшимися у него документами, между которыми находились описанія страны и средствъ ея обороны. Такихъ документовъ ни одинъ русскій никогда не далъ бы иностранцу. По этому можно судить о патриотизмѣ Чичагова.

щить ему свои предположенія, а не придерживаться данной ему инструкціи по укрѣпленію Лепеля и береговъ р. Улны. вмѣсто того, чтобы притянуть герцога (de Bellune) Виктора на Лепель или выждать его въ болотахъ, находящихся между городомъ и р. Березиной, Витгенштейнъ поторопился занять Чашники, куда онъ прибылъ раньше Виктора. Дорога на Минскъ не могла быть очень затруднительной, тогда какъ на Лепель черезъ Березину и на Плещеницы весь путь пролегалъ черезъ болота, которыя тянутся къ Зембину.

Итакъ, онъ повидимому совсѣмъ не интересовался корпусомъ Виктора (duc de Bellune), который не хотѣлъ да и не могъ, рѣшиться на движеніе къ Лепелю и вскорѣ принужденъ былъ придвинуться къ Бобру, чтобы соединиться съ Наполеономъ. Между тѣмъ, повидавшись съ адмираломъ Чичаговымъ, какъ объ этомъ было предписано, Витгенштейнъ долженъ былъ поставить въ дефиле Зембина корпусъ въ 15 тысячъ или 20 тысячъ человѣкъ ¹⁾ и помѣщать постройки мостовъ въ Веселовѣ ²⁾.

Такимъ образомъ, первая ошибка Витгенштейна была походъ на Чашники; вторая, преслѣдованіе отступившаго Виктора (duc de Bellune); если бы послѣ сраженія при Смолянцы 2-го (14-го) ноября, вмѣсто того, чтобы оставаться 5 дней въ Чашникахъ и потомъ возвращаться на Чересо и Холопеничи, онъ двинулся бы 4-го ноября (16-го ноября) на Краснолуки и прямо на Холховцы въ Борисовъ, онъ прибылъ бы туда 9-го ноября (21-го ноября) и соединился бы съ адмираломъ въ тотъ самый день, когда онъ атаковалъ предмостныя укрѣпленія Борисова. Третья ошибка произо-

¹⁾ Не 20 тыс., а совершенно достаточно было 5 тыс. или 6 тыс.

²⁾ Еще разъ подтверждается важное значеніе Зембинскаго дефила, которое отрицается нѣкоторыми нашими военными авторитетами.

(Обзоръ войнъ. Т. I. Стр. 445, примѣчаніе).

шла благодаря его бездѣтельности 13-го (25-го) ноября; около 3 ч. пополудни его авангардъ былъ уже въ Студянкѣ, куда его армія пришла нѣсколько позднѣе; надо было, совершивъ обходъ, сейчасъ же атаковать Виктора (duc de Bellune) ¹⁾.

13-го ноября, въ 9 ч. утра, Чичаговъ, сидя на барабанѣ, позвалъ своего начальника штаба генерала Сабанѣева, и продиктовалъ ему приказаніе о немедленномъ движеніи арміи за 27 верстъ вправо, черезъ Глинки (Glinky) въ Шабашевичи.

Какъ громомъ пораженный отъ такого нелѣпаго и неожиданнаго приказанія, Сабанѣевъ стоялъ нѣсколько времени и молчалъ. Тогда Чичаговъ повторилъ приказаніе и Сабанѣевъ, неумѣвшій сгладить или смягчить выраженія адмирала, написалъ приказъ скорѣе энергичнѣе, чѣмъ осторожнѣе, чего онъ не долженъ былъ позволить себѣ со своимъ начальникомъ, особенно такимъ, какимъ былъ Чичаговъ. Сабанѣевъ доказывалъ ему безуміе этой диспозиціи, но Чичаговъ отнесся къ этому совершенно равнодушно; онъ отпустилъ его, говоря, что этотъ человѣкъ кричитъ болѣе другихъ, но знаетъ не больше ихъ.

Никто, быть можетъ, болѣе меня не уважаетъ военной іерархіи и не соглашается въ необходимости самой слѣпой субординаціи, безъ которой армія вскорѣ представила бы

¹⁾ Очевидецъ, показанія котораго достойны безусловной вѣры, офицеръ генеральнаго штаба, бывшій въ это время съ Витгенштейномъ, увѣрялъ меня, что онъ запоздалъ нарочно, чтобы не соединиться съ Чичаговымъ, который будучи старше его, принялъ бы командованіе надъ обѣими арміями.

Я не хочу вѣрить, чтобы Витгенштейнъ способенъ былъ на подобный расчетъ; онъ былъ слишкомъ лойальнымъ и имѣлъ слишкомъ правдивый характеръ, чтобы быть подозрѣваемымъ въ такомъ поступкѣ. Очень можетъ быть, что ему отсовѣтовали это движеніе по другимъ причинамъ. Но кто? Довре (d'Auvray) и Дибичъ не такъ виноваты въ этомъ безчестномъ обманѣ, какъ Витгенштейнъ, конечно, если только фактъ этотъ вѣренъ. Этотъ эпизодъ и эпизодъ Сакена съ Беннигеномъ (см. выше) могли бы представить двѣ интересныя главы въ книгѣ подъ заглавіемъ «De la manière de devenir feld-maréchal en Russie».

очень печальные результаты и анархію. Но въ тѣхъ случаяхъ, отъ которыхъ зависитъ судьба отечества и, даже можно сказать, всего свѣта, когда начальникъ безъ талантовъ, безъ знаній, неопытный, не слушая ни совѣтовъ, ни мнѣній, приказываетъ неправильное движеніе, которое можетъ повлечь за собой гибель цѣлой арміи, я полагаю, что въ такихъ случаяхъ генералы могутъ собраться, протестовать и не послушаться. Случай этотъ слишкомъ деликатный и я не смѣю даже очень сильно защищать свое мнѣніе, которое навѣрное не раздѣляютъ очень многіе военные, но необходимо создать объ этомъ законъ. Вотъ все, что я могу сказать въ защиту своего мнѣнія ¹⁾...

Къ этой глупости адмиралъ прибавилъ еще новую и, пожалуй, серьезнѣе прочихъ. Мы знаемъ, что генералъ Чаплицъ съ своимъ отрядомъ наблюдалъ мосты Зембина и Березинскій бродъ противъ Веселова. Чичаговъ приказалъ ему оставить эту позицію и двигаться ко мнѣ, въ Стаховскіе лѣса; но онъ мнѣ не далъ знать о данныхъ приказаніяхъ и которыхъ я конечно не могъ предвидѣть. Чаплицъ сдѣлалъ тоже ошибку, не предупредивъ меня о полученномъ приказаніи. Я долженъ былъ оставаться и наблюдать передъ Борисовымъ. Въ верстѣ отъ меня было 100 тыс. непріятеля, а адмиралъ оставилъ мнѣ: 1200 человѣкъ пѣхоты, 300 казаковъ и 36 большихъ орудій артиллеріи, которыя въ томъ положеніи, въ которомъ я находился, скорѣе были обременительны, чѣмъ полезны. Передъ походомъ Чичаговъ описалъ въ приказѣ примѣты Наполеона, котораго, какъ говорилъ онъ, хорошо зналъ еще въ Парижѣ, и если бы онъ вздумалъ переодѣтымъ бѣжать, то чтобы мы могли его узнать. Приказъ этотъ былъ совершенно бесполезенъ!

¹⁾ Я подошелъ къ адмиралу и указалъ ему на французскія колонны, двигавшіяся вправо (по ихъ фронту). Онъ отвѣтилъ: «это уловка, чтобы насъ обмануть; это неправильное движеніе». Неправильное движеніе! 20 верстъ по грязи съ изнуренными солдатами!

Благодаря распоряженію нашего шефа, Наполеону не было никакой надобности бѣжать переодѣтымъ; дорога ему была открыта и онъ конечно не замедлилъ ею воспользоваться.

Меня увѣряли, что Чичаговъ хотѣлъ приложить къ приказу силуэтъ Наполеона; но онъ лучше бы сдѣлалъ, если бы сумѣлъ взять Наполеона, чѣмъ рисовать его портреты.

Случай этотъ доказываетъ, какъ трудно защищать отъ многочисленнаго и хитраго непріятеля переходъ черезъ рѣку. Тѣхъ силъ, которыя мы могли противопоставить непріятелю, было вполнѣ достаточно, чтобы быстро перейти на противоположную сторону и, такимъ образомъ, перенести туда поле дѣйствія. Въ данномъ случаѣ всѣ шансы были на нашей сторонѣ.

Великая французская армія была отрѣзана, ослаблена и обезкуражена. Только въ двухъ мѣстахъ она могла рискнуть на переправу, но оба эти мѣста представляли большія трудности, благодаря тяжелой дорогѣ.

Въ Борисовѣ надо было перейти мостъ въ 300 туазовъ длины, на которомъ сосредоточивались всѣ наши батареи, а мы имѣли многочисленную артиллерію; направо и налево отъ моста были непроходимыя болота. Начинало морозить, но земля еще не промерзла, а рѣка едва покрылась саломъ. Въ Веселовѣ (полагаютъ, что Карлъ XII перешелъ Березину въ этомъ мѣстѣ) лѣвый берегъ рѣки, болѣе возвышенный, чѣмъ правый, былъ болѣе удобенъ для постройки моста, но тутъ же, близъ д. Брили, находится огромное болото, черезъ которое можно было бы проложить очень длинную гать — единственное средство пройти этой дорогой, но тогда было бы легко отрѣзать и оцѣпить насыпь въ $\frac{3}{4}$ версты и тутъ же, съ нашей стороны, находилась небольшая возвышенность, съ которой наша артиллерія могла бы разрушить непріятельскіе мосты.

Версть 5 дальше, по Виленской дорогѣ, находятся мосты

и гати, очень узкіе, тянущіеся на протяженіи 4 или 5 версты и которые непременно надо было пройти, чтобы достигъ небольшого селенія Зембина. Направо и налево отъ этихъ гатей идутъ лѣса и болота еще болѣе непроходимые, чѣмъ тѣ, которые были противъ Веселова.

Во всѣхъ случаяхъ моей военной жизни, я не проводилъ болѣе ужаснаго дня какъ 13-е (25-е) ноября, когда я, со своими 1200 пѣхотинцами, оставался въ предмостномъ укрѣпленіи Борисова. Наполеонъ, видѣвшій, какъ наша армія дефилировала къ нашему правому флангу, могъ судить о незначительности силъ, оставшихся противъ него; онъ могъ сдѣлать неожиданное нападеніе и, отбросивъ насъ, форсировать Борисовскій мостъ, а затѣмъ двинуться на Минскъ. Я этого ждалъ каждую минуту. Если бы Чичаговъ предупредилъ меня, я бы могъ защищать мостъ (не думаю, чтобы успѣхъ былъ продолжительнымъ), но безъ его содѣйствія я ничего не могъ сдѣлать, какъ быстро перевести назадъ мои 36 пушекъ, которыя я держалъ запряженными, и поспѣшить съ моею арміей въ 1200 чел. удалиться въ лѣсъ. Я получилъ, впрочемъ, распоряженіе зарыть 14 пушекъ и 28 зарядныхъ ящичковъ, взятыхъ въ дѣлѣ при Борисовскомъ укрѣпленіи, которыя не годились для запряжки. Исполнить это распоряженіе было довольно трудно съ тѣмъ небольшимъ числомъ людей, которые были у меня, но все-таки я успѣлъ зарыть пушки и сравнять землю такъ, что невозможно было узнать, что онѣ находились именно въ этомъ мѣстѣ. Вышедшій за ночь снѣгъ помогъ мнѣ скрыть слѣды. Я заставлялъ моихъ казаковъ и бѣдныхъ уставшихъ солдатъ всю ночь поддерживать огни въ кострахъ, протянутыхъ по берегу Березины, версты на 4—5 вправо и влево. Эта военная хитрость довольно извѣстна, но она почти всегда вводитъ непріятеля въ заблужденіе. Быть можетъ даже благодаря этому обстоятельству Наполеонъ и ошибся.

На другомъ берегу Березины Наполеонъ также развелъ большіе огни, протянувъ ихъ отъ себя влѣво, что заставило ошибиться и меня. Я предполагалъ, что онъ усиливаетъ войска къ движенію на д. Ухолоды, въ 5 верстахъ вправо отъ меня, но вскорѣ грохотъ пушекъ и обоза и шумъ двигающейся кавалеріи дали мнѣ понять, что Наполеонъ направился къ Веселову.

Я это предвидѣлъ. Но, если бы я зналъ (что адмиралъ отъ меня скрылъ), что онъ уже приказалъ Чаплицу никого не пропускать противъ Веселова и что онъ не разрѣшилъ сломать мосты у Зембина (что Чаплицъ, впрочемъ, могъ сдѣлать и безъ разрѣшенія), то я бы отправилъ этого генерала снова на его постъ съ утра 13-го ноября. Но я послалъ ему приказъ очень поздно вечеромъ, только что получивъ отъ него, также поздно вечеромъ, копію съ приказанія Чичагова. Между тѣмъ, непріятель уже перешелъ черезъ мосты и часть корпуса Удино заняла нашъ берегъ! Если бы Чаплицъ оставался противъ Веселова, онъ могъ бы остановить или, по крайней мѣрѣ, задержать постройку мостовъ и тогда переходъ сдѣлался бы невозможнымъ и непріятель принужденъ бы былъ отступить отъ береговъ Березины.

Въ тотъ же вечеръ 20 тысячъ французовъ, вполнѣ готовыхъ къ бою, перешли мосты. Какъ только я узналъ, что Наполеонъ пошелъ на Веселово, я послалъ адмиралу записку, доставленную ему однимъ изъ моихъ адъютантовъ Рюлемъ (Rühl), молодымъ интеллигентнымъ и расторопнымъ человекомъ, исполнившимъ это порученіе съ удивительной скоростью. Окружнымъ путемъ, по полузамерзшей грязи, въ темную ночь, онъ проѣхалъ 54 версты въ 4 часа и привезъ мнѣ отвѣтъ адмирала.

Отвѣтъ этотъ также любопытенъ, какъ и все, что происходило тогда. Я тщательно переписалъ его со всѣми ошиб-

ками, которыя встрѣтилъ тамъ, оригиналь я сохранилъ у себя, а представляю здѣсь копію.

„14 ноября. Въ часъ утра. Пошлите сейчасъ же генерала Чаплица на его прежній постъ въ Зембинъ ¹⁾, чтобы помѣшать непріятелю пройти. Этотъ приказъ долженъ былъ быть посланъ вчера ²⁾ и я не знаю почему онъ къ вамъ не попалъ ³⁾. Если войска Чаплица утомлены, то подкрѣпите ихъ свѣжими ⁴⁾, но чтобы онъ немедленно шелъ-бы остановить непріятеля, если онъ пытается пройти ⁵⁾. Я приѣду съ остальными днемъ. П. Чичаговъ.

„Если необходимо, дайте все что можете Чаплицу, такъ какъ мы васъ подкрѣпимъ; войска уже идутъ“.

Видно, что онъ совсѣмъ потерялъ память и голову; да и было отчего. Онъ понялъ, наконецъ, сущность своей ошибки и видѣлъ печальныя ея послѣдствія. 30 тысячъ несчастныхъ солдатъ, которыхъ онъ привелъ съ собой, прошли 54 версты въ 30 часовъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, по ужасной дорогѣ, на половину замерзшей, и остановились въ предмостномъ укрѣпленіи Борисова 14-го ноября, вечеромъ, когда уже стало совершенно темно; измученные, разслабленные, громко жаловавшіеся на адмирала (что было совершенно справедливо ⁶⁾).

¹⁾ Это не въ Зембинѣ, а въ Брили долженъ оставаться Чаплицъ. Адмиралъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія о географіи страны, гдѣ онъ находился. Но уже было поздно.

²⁾ Я никогда не получалъ подобнаго приказанія и имѣю основаніе думать, что оно и не было послано.

³⁾ Полк. Харкевичъ дѣлаетъ догадку о томъ, что Ланжеронъ не получилъ отмѣны первоначальнаго приказанія относительно отряда Чаплица. Настоящія записки вполнѣ это подтверждаютъ (Березина. Стр. 141 примѣчанія). *Ред.*

⁴⁾ Но гдѣ же ихъ взять? Адмиралъ вѣроятно забылъ, что у меня 1200 человекъ противъ 100 т. Или онъ хотѣлъ сложить всю отвѣтственность на меня; однако она не могла ни въ какомъ случаѣ пасть на мѣня.

⁵⁾ Онъ уже прошелъ. Адмиралъ облегчилъ ему путь и Наполеонъ не замедлил воспользоваться этой непростительной ошибкой.

⁶⁾ При ихъ возвращеніи, я слышалъ ихъ проклятія, относящіяся къ Чичагову, котораго они называли несчастнымъ матросомъ. Многие изъ старыхъ солдатъ могли судить о нелѣпости этого похода не хуже своихъ генераловъ.

Въ этотъ день, 14-го (26-го) ноября, Наполеонъ перешелъ Березину.

Утромъ 14-го ноября Чаплицъ двинулся занять свою прежнюю позицію въ Брили, но встрѣтилъ тамъ уже непріятеля, который атаковалъ его въ Стаховскомъ лѣсу и заставилъ отойти къ этой послѣдней деревнѣ.

Отъ Стахова до Борисова 5 верстъ и столько же отъ Брили до Стахова; дорога широкая, окаймленная съ обѣихъ сторонъ высокимъ лѣсомъ. Артиллерія Чаплица защищала большую дорогу, а егеря лѣсъ. Въ продолженіе 6 часовъ отрядъ этотъ, съ большой отвагой, велъ бой противъ непріятеля вчетверо сильнѣйшаго.

Не имѣя передъ собой противника въ Борисовѣ, который уже заняли мои казаки и нашли тамъ лишь нѣсколькихъ несчастныхъ отсталыхъ, я двинулся на помощь Чаплицу съ 24 пушками и 900 чел., куда и прибылъ, когда ночь еще не прекращала боя. Мы потеряли 400 чел. и храбраго генерала Иванова, командира 10-го Егерскаго полка.

На ночь я расположился на небольшихъ возвышенностяхъ, вблизи хижины, построенной при входѣ въ Стаховскій лѣсъ, который былъ занятъ непріателемъ, также какъ и вся деревня.

Занявъ позицію въ 4-хъ верстахъ отъ Борисова, непріатель весь день 15-го (27-го) ноября оставался совершенно покойнымъ. Онъ не зналъ, какъ велики были наши силы, да едва ли и интересовался этимъ, такъ какъ его цѣль была достигнута. Противъ Чаплица сражались войска изъ корпуса Удино, остатки корпуса Домбровскаго, баталіоны, такъ неудачно, за нѣсколько дней посланные Брониковскимъ изъ Борисова въ Веселово, швейцарскіе полки, которые дрались замѣчательно хорошо, и кирасиры. Это были лучшія войска изъ всей Наполеоновской арміи. Они были хорошо одѣты, хорошо кормлены и не терпѣли такихъ лишеній, благодаря кото-

рымъ такъ сильно ослабѣла великая французская армія при отступленіи изъ Москвы.

Наши аванпосты въ лѣсу были въ 20 шагахъ отъ непріятельскихъ; а на большой дорогѣ, вмѣсто аванпостовъ, непріатель поставилъ три сильныхъ баталіона въ сомкнутыхъ колоннахъ. Баталіоны эти стояли такъ близко отъ моихъ часовыхъ, что я, объѣзжая посты, принялъ ихъ за русскихъ и приблизился къ нимъ. Я былъ въ генеральской формѣ, а между тѣмъ, ни одинъ солдатъ не только не сдѣлалъ ко мнѣ ни малѣйшаго движенія, хотя я находился отъ нихъ въ 5, 6 шагахъ, но они оставались попрежнему съ ружьями въ рукахъ; 2—3 офицера приблизились ко мнѣ и мы разговаривали.

Спокойствіе это продолжалось весь день 15-го и утро 16-го ноября, когда рано утромъ прибыла вся армія Чичагова и заняла возвышенности, на которыхъ я расположилъ свой 4-хъ тысячный отрядъ. Часовъ въ 10 утра непріатель сталъ отступать вглубь лѣса, мы ихъ начали преслѣдовать и въ полдень произошло жестокое сраженіе, объ ужасахъ котораго намъ рассказываетъ исторія этой войны. Я опишу его позднѣе. Теперь я долженъ рассказать о результатахъ дѣйствій корпуса Витгенштейна.

Причиною отступленія французовъ было появленіе Витгенштейна. Наполеонъ опасался, чтобы, его аррьергардъ, который еще не перешелъ мостовъ, не былъ атакованъ Витгенштейномъ, который могъ и самъ перейти черезъ мосты и тѣмъ поставилъ бы корпусъ Удино и Виктора между двухъ огней и разбилъ бы ихъ. Такъ какъ французская армія была теперь очень близка отъ длинныхъ и узкихъ гатей и мостовъ Зембина, загроможденных толпой бѣглецовъ, зарядными ящиками и обозомъ, то Наполеонъ приказалъ прибыть къ мостамъ отборнымъ войскамъ, чтобы они прикрыли его отступление со стороны д. Стахово, а въ случаѣ наступленія

Чичагова приказалъ держаться какъ можно крѣпче и непоколебимѣе до часу ночи, обѣщая поддержать ихъ баталіономъ и своей гвардіей.

15-го (27-го) ноября графъ Витгенштейнъ остановился между Веселовымъ и Борисовымъ. Близъ этого послѣдняго Наполеонъ остановилъ дивизію генерала Партуно, которой онъ пожертвовалъ для того, чтобы остановить врага и скрыть свое движеніе.

Между тѣмъ, Партуно, вмѣсто того, чтобы, двигаясь лѣвымъ берегомъ Березины, искать гдѣ-либо брода, посредствомъ котораго онъ могъ бы, черезъ Стаховскіе лѣса, соединиться съ арміей, пошелъ по дорогѣ на Веселово, гдѣ встрѣтилъ Витгенштейна, который совершенно и окружилъ его. Партуно при такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ и въ такомъ отчаянномъ положеніи выказалъ много мужества и непоколебимости, достойныхъ высшихъ наградъ, но послѣ нѣсколькихъ часовъ боя, онъ принужденъ былъ сдаться съ 3700 бойцевъ и 5 т. или 6 т. больныхъ и отсталыхъ солдатъ. Генералы Бламонъ и Лайтъ (Blamont et de L'aitte) были взяты вмѣстѣ съ нимъ. Это сраженіе происходило 15-го ноября въ 2 ч. пополудни.

Тотчасъ послѣ сраженія, Витгенштейнъ двинулся къ Веселову, гдѣ онъ могъ бы въ тотъ же день истребить все, что осталось непріятельскаго на лѣвомъ берегу Березины, если бы онъ атаковалъ съ большимъ мужествомъ и продолжалъ сраженіе въ продолженіе всей ночи (что онъ долженъ былъ сдѣлать, несмотря на усталость его войскъ), или, по крайней мѣрѣ, начать бой съ ранняго утра; но онъ не зналъ что Наполеонъ уже перешелъ мостъ; а его встрѣтили войска Виктора, который несмотря на свою немногочисленность вступилъ въ сраженіе съ такимъ знаніемъ дѣла и съ такою храбростію, что устранилъ Витгенштейна.

16-го (28-го) ноября, въ 9 ч. утра, Викторъ перешелъ

Березину со всѣми своими войсками и артиллеріей. Толпы отсталыхъ спѣшили перейти мостъ вслѣдъ за нимъ, но Витгенштейнъ приблизился и сжегъ оставшійся мостъ. Другой мостъ сожженъ французскими понтонерами; при чемъ погибла масса народа. На лѣвомъ берегу осталась толпа несчастныхъ, обреченныхъ на смерть.

Легкая артиллерія Витгенштейна была осыпана ядрами и маленькими гранатами ¹⁾, бросаемыми изъ толпы и понтоною командою столпившимися у мостовъ. Можно себѣ вообразить, какой ужасный беспорядокъ царствовалъ тамъ! Крики несчастныхъ людей, маргитантовъ, больныхъ, раненыхъ и дѣтей, французскихъ и иностранныхъ эмигрантовъ изъ Москвы, слѣдовавшихъ за арміей, оглушали воздухъ. Нѣкоторые были раздавлены между экипажами и подъ колесами повозокъ; людской шумъ смѣшивался съ трескомъ разрывающихся снарядовъ; одни умирали подъ пиками казаковъ, другіе стремились къ мосту, гдѣ погибали въ огнѣ или были поглощены водою рѣки. Нѣсколько тысячъ этихъ несчастныхъ нашли здѣсь конецъ своему существованію—и эти менѣе достойны сожалѣнія; тѣ же, которымъ удавалось бѣжать отъ этого злополучнаго мѣста, переживали ихъ лишь на нѣсколько дней, а затѣмъ погибали въ страшныхъ страданіяхъ.

Всѣ богатства Москвы были собраны въ вагенбургъ. Тамъ было около 10 т. каретъ, что-то около этого числа роскошныхъ берлинскихъ экипажей, колясокъ, фаэтоновъ, дрожекъ и пр., взятыхъ въ столицѣ отъ самыхъ богатыхъ владѣльцевъ или изъ мастерскихъ—трофеи, которые должны быть свезены въ Парижъ! Всѣ повозки, фургоны, фуры крестьянъ были переполнены самыми цѣнными вещами; тамъ находились драгоцѣнные камни, чудные мѣха, жемчугъ,

¹⁾ Каждый французскій генералъ имѣлъ ихъ дюжину, а каждый офицеръ, по крайней мѣрѣ, по одной.

бриллианты, священные сосуды московскихъ церквей, одежды священниковъ, вышитыя драгоценными камнями ризы, золоченные кресты съ церкви св. Ивана Великаго, коллекціи гравюръ, камеи, антики, масса книгъ изъ чудныхъ библиотекъ Бутурлина и Разумовскаго, серебряная посуда, фарфоръ, и, несмотря на то, что все это похищалось и растаскивалось въ продолженіе нѣсколькихъ дней, не могли забрать и сотой доли этихъ огромнѣйшихъ богатствъ, а потому все, что не было взято, брошено въ рѣку. Весной, мужики изъ сосѣднихъ деревень и жида, никогда не пропускавшіе случая поживиться, сбѣгались со всѣхъ концовъ Польши, разыскивали брошенное и получали огромную добычу.

Между каретами и полуразбитыми, полусломанными фургонами мы нашли фургоны главнаго штаба генія, портфели съ иностранными дѣлами, огромные пакеты писемъ, географическія карты, крайне драгоценные планы походовъ и сраженій, журналы и большую часть багажа Наполеона и его генераловъ ¹⁾.

Отойдя къ Борисову, Витгенштейнъ произвелъ неправильное движеніе; ему слѣдовало бы идти на Студянку. 16-го (28-го) числа, онъ долгое время пробылъ близъ Стаховскихъ лѣсовъ въ переговорахъ съ Чичаговымъ. Я его

¹⁾ Мнѣ принесли карту Польши, чрезвычайно интересную въ то время. Полагали, что Наполеонъ хочетъ возстановить королевство польское со всѣми его прежними границами и Курляндію, а корону дать одному изъ авантюристовъ своей фамиліи или князю Понятовскому. Поляки льстили себя надеждой, но вскорѣ были жестоко обмануты. Наполеонъ дѣйствительно имѣлъ намѣреніе дать Польшѣ прежнюю территорію, исключая австрійской Галиціи, которую онъ, позднѣе, промѣнялъ на Иллирію—и это была цѣна союза съ Австріей; но онъ хотѣлъ управлять тремя княжествами: Варшавскимъ, Литовскимъ и Вольнскимъ и самъ онъ уже намѣтилъ карандашомъ на картѣ, найденной въ его фургоны, границы въ слѣдующей постепенности: эти три княжества предназначались: 1) королю саксонскому, 2) маршалу Даву и 3) князю Понятовскому. Вообще же поляки могли ожидать раздѣленія своего отечества послѣ бесполезнаго и запутаннаго отвѣта, который Наполеонъ далъ въ Вильнѣ варшавскимъ депутатамъ.

видѣлъ и, казалось, онъ не зналъ о томъ, что произошло, что въ сущности было очень просто. Если бы онъ былъ болѣе образованъ, онъ началъ бы съ того, что однимъ быстрымъ нападеніемъ покончилъ бы съ Викторомъ, а потомъ соединилъ бы своихъ 30 т. чел. съ 30 т. Чичагова, перейдя Березину по понтоннымъ мостамъ, тогда бы Наполеонъ не могъ ускользнуть отъ нихъ! Эртель тоже могъ бы прійти съ своими 10 т. или 12 т. чел.; но всѣ эти силы даже не нужны были; Чичагова одного было достаточно!

Войска Чичагова (какъ я уже говорилъ) преслѣдовали отступавшаго противника за 4 версты до д. Брили. Здѣсь непріятель сомкнулся, выставилъ на дорогѣ свои пушки большого калибра, сколько могло умѣститься на ней; наши сдѣлали то же самое и оба противника находились одинъ отъ другого въ очень близкомъ разстояніи. Въ продолженіе шести часовъ огонь этихъ пушекъ былъ такъ силенъ и ужасенъ, что генераламъ и адъютантамъ невозможно было безъ большой опасности перейти дорогу ¹⁾. Если пушка была испорчена или артиллеристъ былъ убитъ, то сейчасъ же замѣнялись новыми. Пули сыпались дождемъ и во все время сраженія перевѣсъ не склонялся ни въ ту ни въ другую сторону. Подошедшая пѣхота приблизилась къ лѣсу съ двухъ сторонъ дороги и тотчасъ же была разсыпана въ стрѣлковыя цѣпи—это былъ единственный способъ вести бой на такой мѣстности. Французскіе солдаты имѣли то преимущество, что не были такъ отягощены, какъ наши, были болѣе привычны дѣйствовать въ одиночку и лучше стрѣляли; поэтому наши потери были значительнѣе, чѣмъ непріятельскія.

Огонь, безъ всякаго перерыва, продолжался до самаго

¹⁾ Я четыре раза проѣзжалъ во время сраженія по дорогѣ и каждый разъ пули градомъ сыпались вокругъ меня. Храбрость и проворство артиллеристовъ обѣихъ сторонъ были дѣйствительно изумительны.

вечера; онъ былъ ужасенъ; ружейные залпы были повторяемы лѣснымъ эхомъ по нѣскольку разъ; иногда наши солдаты бросались въ штыки; но въ продолженіе цѣлаго дня, мы не могли занять ни клочка земли, занятой непріятелемъ, ни онъ — нашей. Вся наша пѣхота была употреблена въ дѣло и къ 3-мъ часамъ пополудни у насъ не оставалось ни одного баталіона въ резервѣ. Непріятель также втянулъ въ дѣло все, что было подъ ружьемъ. Маршалъ Удино былъ раненъ, маршалъ Ней съ оставшимся у него корпусомъ и кн. Понятовскій съ остаткомъ своихъ войскъ подошли смѣнить войска Удино. Эти два корпуса не имѣли болѣе 3 т. или 4 т. чел., которые въ состояніи были сражаться.

На нашемъ лѣвомъ флангѣ, среди лѣса, приблизительно въ верстѣ отъ дороги, были двѣ маленькія полянки въ 100 туазовъ въ квадратѣ. Въ началѣ сраженія тамъ находилась часть 18-й пѣхотной дивизіи, которой командовалъ князь Щербатовъ, въ сомкнутой колоннѣ, составлявшая резервъ. Французскій генер. Думеркъ съ двумя кирасирскими полками произвелъ неожиданное нападеніе на эту дивизію и нападеніе это имѣло гибельныя послѣдствія¹⁾. Онъ разставилъ кирасиръ между деревьями и кустарниками, закрылъ ими входы на поляны и съ быстротой молніи прорвалъ линіи колоннъ пѣхоты. Онъ изрубилъ болѣе 600 чел. и столько же взялъ въ плѣнъ; несмотря на то, что подошедшій на помощь пѣхоты С.-Петербургскій драгунскій полкъ причинилъ ему не мало потерь²⁾.

Это отчаянное нападеніе сильно прославило генерала Думерка и его кирасиръ. Это было отличное дѣло войскъ

¹⁾ 18-я дивизія была одна изъ лучшихъ въ арміи; ея генералы были превосходны; но она была поражена этой ужасной атакой, которую никто не могъ предвидѣть.

²⁾ Полк. Харкевичъ говоритъ, что успѣхъ атаки Думерка былъ остановленъ ген. Чаплицемъ съ 2-мя эскадр. Павлоградскихъ гусаръ (Березина. Стр. 184); но объ участіи въ этомъ дѣлѣ С.-Петербургскаго драгунскаго полка имѣются точныя данныя изъ донесенія генерала Войнова и вошедшія въ исторію этого полка (документы найдены въ Моск. отд. архива Гл. Шт.).

и ихъ генерала, да и вообще все дѣло было славой для французской арміи, тѣмъ болѣе, что они были слабѣе насъ.

Вправо отъ насъ, бригада генерала Гангелова, подъ командою генерала Рудзевича¹⁾, составленная изъ двухъ полковъ, пришедшихъ изъ Крыма и съ Кубани (12-й и 22-й), была поставлена близъ рѣки; егеря совершили чудеса храбрости, несмотря на то, что они были почти перебиты; изъ 4 т. у нихъ осталось не болѣе 700 ч., а офицеровъ уже совсѣмъ не осталось, за исключеніемъ раненыхъ; 22-й полкъ потерялъ всѣхъ своихъ офицеровъ. Эти два полка, привыкшіе къ битвамъ еще на границѣ Кубани, имѣли, сравнительно съ кирасирами, чудныхъ стрѣлковъ, и, благодаря имъ, въ этотъ день, непріятель понесъ огромныя потери. Генералъ Рудзевичъ выказалъ свои достоинства и возвысилъ свою репутацію, которая еще болѣе увеличилась въ слѣдующей кампаніи, гдѣ его заслуги были значительны и справедливо награждены.

Ночь застала бойцовъ въ томъ же положеніи какъ и утро. Непріятель же воспользовался ею, чтобы уйти и утромъ 17-го (29-го) ноября, мы увидали, что противъ насъ никого нѣтъ, исключая брошенныхъ, несчастныхъ раненыхъ, тащившихся по дорогѣ и лѣсу; многіе изъ нихъ тутъ же умирали²⁾.

Тогда мы стали приближаться къ Брили. Сраженіе было чрезвычайно кровопролитное; мы потеряли 7 т. лучшихъ солдатъ; у польскаго генерала Заіончковскаго было оторвано

¹⁾ Генералъ Гангеловъ былъ въ резервѣ. Онъ очень любилъ это мѣсто.

²⁾ Я видѣлъ около дороги французскаго офицера, лежащаго у подножья дерева; у него было оторвано бедро и онъ умиралъ. Какая-то молодая женщина съ растрепанными волосами, заливаясь слезами, сжимала его въ своихъ объятіяхъ, повторяя безъ конца «о мой дорогой Адольфъ!» около нея лежалъ ребенокъ лѣтъ 3-хъ, уже мертвый, другой, постарше, былъ при послѣднемъ издыханіи. Графъ Мантейфель *) послалъ за своей коляской, чтобы увести ихъ, и приказалъ позаботиться о нихъ; но когда, черезъ часъ, пріѣхала за ними коляска, всѣ четверо уже не существовали больше на этомъ свѣтѣ.

*) Шефъ С.-Петербургскаго драгунскаго полка.

бедро. Всѣ наши генералы отличились своей личной храбростью, такъ какъ мѣстность не позволяла проявить какія-нибудь распоряженія. Адмиралъ имѣлъ случай здѣсь по крайней мѣрѣ удостовѣриться въ ихъ храбрости и качествахъ, такъ какъ онъ самъ не давалъ себѣ труда ничѣмъ распоряжаться или даже давать совѣты. Онъ остался философствовать въ избушкѣ, сооруженной за лѣсомъ, и я его засталъ тамъ спокойно пьющимъ чай.

17-го (29-го) и часть 18-го (30-го) ноября мы оставались подъ д. Брили, чтобы собрать людей, немного разсѣявшихся, дождаться обозовъ, получить за 4 дня хлѣбъ и замѣнить испорченную во время сраженія амуницию.

Между тѣмъ, съ утра 18-го ноября, авангардъ, подъ командою генерала Чаплица, подошелъ къ мостамъ Зембина, которые были еще загромождены французскими обозами ¹⁾;

¹⁾ Багажъ есть помѣха арміи и римляне справедливо называли его «impedicantio» (помѣха). Во время революціонныхъ войнъ, французская армія не имѣла его вовсе, потребности генераловъ и офицеровъ не превышали потребностей солдатъ. Въ царствованіе Наполеона вся роскошь (и злоупотребленія) тогдашняго двора перенеслась въ лагеря, которые были его дворомъ, и вся армія была загромождена каретами старинныхъ и новыхъ владѣльцевъ, наполнилась ихъ прислугой, какъ будто они ѣхали не на войну, а въ Тюльери.

Австрійская армія и особенно прусская имѣли за собой огромные обозы; особенно затруднило путь то, что они тащили за собой множество прачекъ и продавщицъ водки, потерявшихъ всякій обликъ женщины и походившихъ скорѣе на чудовищъ; кромѣ того, каждая супруга имѣла за собой по 8 служанокъ; несчастные мужья и еще болѣе несчастные любовники этихъ дамъ держали ихъ въ каретахъ, такъ какъ каждая изъ нихъ имѣла свою собственную и четверть арміи находилась въ вагенбургѣ.

Въ Россіи же солдаты стираютъ свое бѣлье сами и съ царствованія Александра I русская армія особенно освобождена отъ всякаго багажа. Главнокомандующему не разрѣшалось имѣть болѣе 4 повозокъ, генералъ-аншефу—3, генералъ-лейтенанту и генералъ-майору по 2 (если послѣдній командовалъ бригадой); командиру полка—1; офицеры же совсѣмъ не имѣли повозокъ; кавалеристы пользовались выюками, пѣхотинцы—ранцами или сумками, такъ какъ и солдаты. Даже гвардейцы и самые богатые офицеры не имѣли въ этомъ отношеніи никакой привилегіи. 50 т. русскихъ имѣли меньше повозокъ, чѣмъ 15 т. австрійцевъ и 10 т. пруссаковъ.

прикрываемые артиллеріей, пѣхотой и волонтерами, они вытянулись и прошли ночью, такъ что 19-го ноября мы безъ задержки перешли мосты и прибыли въ Зембинъ.

Теперь мы могли судить объ огромной ошибкѣ, сдѣланной Чаплицемъ, который не разрушилъ эти мосты 13-го (25-го) ноября (какъ я уже говорилъ). Три моста были длиною болѣе 200 туазовъ каждый, отдѣленные другъ отъ друга, приблизительно на 100 туазовъ.

Чаплицъ былъ храбръ, дѣятеленъ и интеллигентенъ, но въ этомъ случаѣ его качества были какъ будто парализованы. Онъ не получилъ отъ Чичагова приказаній разрушить мосты—это вѣрно, но все же это не можетъ служить ему оправданіемъ; онъ зналъ несостоятельность своего начальника и долженъ былъ сдѣлать то, что подсказывалъ ему собственный его разсудокъ.

Непріятель не замедлилъ исполнить то, что долженъ былъ сдѣлать Чаплицъ; онъ разрушилъ мосты и гати, испортилъ дороги и мы потеряли 36 часовъ для исправленія ихъ, что дало ему возможность уйти очень далеко.

Я описалъ правдиво и безпристрастно исторію этого замѣчательнаго Березинскаго событія; я могу поручиться за вѣрность и правильность разсказа, который я написалъ; я былъ тамъ дѣйствующимъ лицомъ и свидѣтелемъ происшедшаго; я былъ вторымъ лицомъ въ нашей арміи; мой чинъ и мое положеніе позволяли мнѣ быть въ курсѣ всего дѣла и ни одно происшествіе не ускользнуло отъ моихъ наблюденій. Эта Березина должна была быть могилой Наполеона и всей его арміи, если бы не произошли непростибельныя ошибки съ нашей стороны.

Мы уже видѣли, что гр. Витгенштейнъ потерялъ время и это опозданіе было очень тяжело; мы также видѣли, что онъ принялъ неправильное направленіе идя къ Борисову, куда онъ могъ бы прибыть прямо или же черезъ Лепель

и Дюбшицы 9-го (21-го) или 10-го (22-го) ноября, въ одно время съ Чичаговымъ.

О медленности дѣйствій Кутузова, Милорадовича и Платова, во время преслѣдованія французской арміи, я уже говорилъ. Это были ошибки, имѣвшія огромное значеніе; но Наполеонъ не воспользовался ими; настоящимъ же спасителемъ его былъ Чичаговъ. Дѣйствія его одного были достаточны, чтобы спасти Наполеона.

Государь сдѣлалъ ужасную ошибку или, вѣрнѣе, былъ страшно обманутъ, вѣряя сухопутную армію адмиралу; въ такія критическія времена онъ довѣрилъ судьбу своего государства человѣку, заносчивость и гордость котораго равнялись его неспособности; онъ былъ низкій поклонникъ своихъ противниковъ, врага своего отечества, который заслуживалъ и уже заслужилъ ненависть и полное презрѣніе у своихъ подданныхъ и соотечественниковъ. Быть можетъ наши ошибки, спасшія Наполеона, имѣли бы болѣе счастливый результатъ, если бы онъ погибъ у Березины! Въ послѣднемъ случаѣ, онъ мнилъ, что сынъ его, который ему наслѣдуетъ, примется, чрезъ нѣсколько лѣтъ своей блестящей карьеры, снова за тотъ же погромъ и разрушеніе.

Франція осталась бы врагомъ и ужасомъ всей Европы и Бурбоны не пришли бы водворять въ ней порядокъ и тишину, которые должны быть, благодаря закону.

Погубивъ четыреста или пятьсотъ тысячъ человѣкъ, паденіе этого самозванца и всей его семьи было примѣромъ, даннымъ Провидѣніемъ для всего свѣта, примѣромъ, въ которомъ онъ нуждался.

Передъ тѣмъ, чтобы преслѣдовать Наполеона въ его отступленіи до Вильны, я дамъ краткій очеркъ интересной операціи генерала Сакена.

Мы уже видѣли, что этотъ генералъ былъ оставленъ на Бугѣ для того, чтобы задержать какъ можно дольше кн.

Шварценберга, который могъ бы, слѣдуя за адмираломъ, поставить его между нимъ и Наполеономъ и остановить всѣ движенія.

Выборъ, сдѣланный адмираломъ, для этой трудной операціи, былъ, можно сказать, единственнымъ разумнымъ дѣйствіемъ, которое онъ совершилъ во время всей кампаніи.

Исполнить данную Сакену задачу было очень трудно; скажу больше, было очень мало шансовъ на успѣхъ. Онъ имѣлъ не болѣе 25 т. чел., а Шварценбергъ, поддержанный австрійскими, саксонскими и польскими новобранцами, имѣлъ около 45 т. челов., его армія была очень хороша, а генералы ея очень опыты.

Если бы австрійскій генералъ захотѣлъ наступать на противника открыто и мужественно, онъ не далъ бы ему, во-первыхъ, совершенно отказаться отъ боя, все время удаляясь отъ него и, во-вторыхъ, не сталъ бы опасаться дать генеральное сраженіе съ непропорціональными силами, такъ какъ большія потери были бы во всякомъ случаѣ на нашей сторонѣ.

Надо было маневрировать, стараться обмануть своего противника, пользоваться всѣми выгодами, представляемыми мѣстностью, а главное—выиграть время, такъ какъ это было главной задачей и онъ ее исполнилъ превосходно.

Шварценбергъ, съ своей стороны, маневрировалъ съ нѣкоторой безпечностью и нерѣшимостью. Его обвиняли въ томъ, что онъ не предвидѣлъ несчастій французской арміи или, по крайней мѣрѣ, не обсудилъ послѣдствій съ тѣхъ поръ, какъ узналъ о нихъ.

Я не смѣю утверждать, но мнѣ кажется вѣрнымъ, что съ 45 т. онъ не выказалъ себя передъ Сакеномъ, имѣвшимъ лишь половину того, что имѣлъ Шварценбергъ, такимъ дѣятельнымъ и рѣшительнымъ, какимъ онъ показалъ себя про-

тивъ насъ, когда имѣлъ не болѣе 35 т. или 40 т. челов. противъ 60 т.

Краткимъ разсказомъ я изложу ходъ дѣйствій обѣихъ армій.

Шварценбергъ сначала ничего не зналъ о приказѣ, полученномъ Чичаговымъ, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней не могъ понять его движеній; но вскорѣ онъ узналъ смыслъ дѣйствій адмирала, а присутствіе при войскахъ главнокомандующаго должно было его навести на мысль, что это былъ одинъ изъ самыхъ значительныхъ корпусовъ, которому предстояли главныя операціи по новому плану ожидаемаго сраженія, въ которомъ противникъ былъ гораздо слабѣе его. Онъ долженъ бы былъ его тотчасъ атаковать, что онъ и хотѣлъ сдѣлать. Когда Чичаговъ началъ свое движеніе, Шварценбергъ очутился между Мендзыржицею и Бялою, въ 40 верстахъ отъ Бреста, въ герцогствѣ Варшавскомъ. Узнавъ, что Чичаговъ уходитъ, онъ сталъ подвигаться на Дрогичинъ и снова перекинулъ мосты черезъ Бугъ.

Изъ Дрогичина онъ могъ въ нѣсколько переходовъ подойти къ Слониму, гдѣ онъ могъ встрѣтить насъ. Изъ опасенія этого движенія, адмиралъ подкрѣпилъ Сакена дивизіей Эссена.

Сакенъ находился въ Тирасполѣ, въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ Бреста, на лѣвомъ берегу Буга; разставилъ свои войска по окрестностямъ (тогда у него было не болѣе 15 тыс. или 16 тыс. человекъ), отправилъ отряды по всѣмъ направленіямъ, особенно къ Бялѣ, а чтобы обмануть непріятели и скрыть движеніе Чичагова, онъ послалъ Булатова съ двумя дивизіями въ Залѣсье, за 20 верстъ отъ Бреста, на большую Варшавскую дорогу.

Когда онъ узналъ, что Шварценбергъ перешелъ Бугъ по двумъ мостамъ въ Дрогичинѣ и въ Семятичахъ, то ему

стало ясно, что тотъ идетъ черезъ Гродну на Вильну¹⁾ или черезъ Слонимъ на Несвижъ. Онъ собралъ свой корпусъ и двинулся по слѣдамъ непріятели²⁾, чтобы привести въ исполненіе задуманный имъ планъ: постоянно тревожить арбергартъ; для выигрыша времени заводить стычки, не позволяя себя компрометировать, и отдалять время генеральнаго сраженія. Если онъ былъ вынужденъ такъ поступать, то единственно, чтобы достигъ цѣли, которую онъ никогда не терялъ изъ виду: это защищать Чичагова отъ Шварценберга.

19-го (21-го) октября Сакенъ приблизился къ Лѣснѣ, построилъ мостъ на плашкоутахъ и перешелъ ее; оставивъ гарнизонъ въ Брестѣ, самъ, съ своими партизанами, продолжалъ маневрировать въ герцогствѣ Варшавскомъ. 23-го октября (4-го ноября) онъ расположился между Высоколитовскомъ и Волчинымъ въ 30 верстахъ отъ Бреста, на правомъ берегу Буга. На другой день онъ узналъ, что войска Швар-

¹⁾ Тогда предполагали, что генер. Штейнгель съ отрядомъ корпуса Витгенштейна отправится на Вильну, но это была фальшивая тревога.

Штейнгель, въ началѣ кампаніи, командовалъ въ Финляндіи корпусомъ, который былъ назначенъ противъ шведовъ и для прикрытія Петербурга; но послѣ свиданія, которое имѣлъ Императоръ Александръ съ наследнымъ принцемъ Бернадотомъ, послѣ союза съ Швеціей или, по крайней мѣрѣ, при увѣренности въ ея нейтралитетѣ, присутствіе Штейнгеля сдѣлалось излишнимъ. Онъ отправился въ Ливонію, гдѣ, думали, онъ будетъ необходимъ для поддержки Эссена, въ случаѣ, если бы Макдональдъ осадилъ Ригу; но когда убѣдились, что осады не будетъ, Штейнгель пошелъ догонять Витгенштейна, который безъ него не былъ бы въ состояніи одержать успѣхъ надъ Удино и Сень-Сиромъ (Gouvion). Позднѣе, въ исторіи войны 1814 г., я детально разскажу объ этомъ рѣшеніи Швеціи, которое было тѣмъ болѣе странно, что Бернадотъ получилъ корону съ согласія Наполеона. Я думаю не трудно было бы французскому императору сохранить союзъ съ Швеціей, если бы онъ этого хотѣлъ. Политика должна была совѣтовать ему пощадить Швецію, но деспотъ уже не щадилъ никого; онъ дерзко обошелся со Швеціей, разрушилъ Померанію, уничтоживъ ее контрибуціями и реквизиціями, и тѣмъ порвалъ возможность союза со Швеціей.

²⁾ Поведеніе Сакена достойно похвалы не только за его дѣятельность и разумные маневры, но главное за то, что онъ уступилъ мелочному тщеславію (которымъ увлеклись бы многіе) и не пошелъ на Варшаву, чтобы взять ее безъ всякаго сопротивленія и безпрепятственно.

ценберга двинулись на Бѣльскъ и Орля, черезъ Наревъ; затѣмъ онъ получилъ свѣдѣнія, что они перешли рѣку и были уже въ Руднѣ. Движенія ихъ были довольно быстры, но Сакенъ слѣдовалъ за ними и ежедневно забиралъ не мало отсталыхъ и часть обозовъ.

Близъ Нарева и около Рудни произошли небольшія стычки, при чемъ Сакенъ взялъ въ плѣнъ 300 чел.

Французскій генералъ Ренъе, имѣя у себя корпусъ саксонцевъ, составлялъ аррьергардъ Шварценберга, въ то время какъ его начальникъ шелъ по слѣдамъ Чичагова.

31-го октября генер. Булатовъ занялъ маленькій городокъ Плонскъ, въ которомъ непріятель оставилъ отрядъ войскъ, какъ въ мѣстѣ важномъ по своему положенію и которое хотѣлъ сохранить, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время. Булатовъ здѣсь взялъ 300 чел. въ плѣнъ.

31-го октября Сакенъ произвелъ рекогносцировку Свислочи, чтобы узнать, не пойдетъ ли непріятель на Гродну; но когда онъ удостовѣрился, что Шварценбергъ двинулся на Слонимъ, то это вызвало опасенія, такъ какъ Чичаговъ былъ тогда всего въ 5 переходахъ, по дорогѣ на Минскъ.

1-го ноября была стычка у моста въ Порозовѣ, а затѣмъ, близъ мѣстечка произошло довольно жаркое сраженіе, въ которомъ непріятель потерялъ болѣе 1 тыс. чел., но и наши потери были значительны. Дивизія Эссена много помогла въ этомъ дѣлѣ. Булатовъ, сбившись съ дороги, не могъ прибыть во-время и потому, задумавъ атаковать саксонцевъ, намѣреніе это отложилъ до слѣдующаго дня, но ночью непріятель отступилъ, и задуманное предпріятіе не могло быть приведено въ исполненіе.

Между тѣмъ, Сакенъ узналъ, что Шварценбергъ, изъ Канина двинулся противъ него. Наступленіе это было совершенно неожиданное и непостижимое въ томъ положеніи, въ которомъ онъ тогда находился! Было извѣстно, что Швар-

ценбергъ слѣдуетъ за адмираломъ; такъ для чего же онъ потерялъ на свое обратное движеніе 15 дней, которые онъ конечно могъ употребить съ большой пользой. Не боялся ли онъ за Варшаву? тогда почему онъ оставилъ ее не защищенной? Боялся ли онъ, чтобы Ренъе не былъ разбитъ Сакеномъ и онъ пошелъ ему на помощь? Но вѣдь онъ могъ ему приказать не ввязываться въ бой!

Это было 1-го (11-го) ноября. Наполеонъ уже покинулъ Москву недѣли 3 тому назадъ, что Шварценбергу было уже извѣстно. Силы его увеличились еще дивизіей Дюрютта (Durutte) на 8 тыс. чел., самъ онъ командовалъ болѣе чѣмъ 50 тыс. чел. (30 тыс. австрійцевъ, 9 тыс. саксонцевъ, 4 тыс. поляковъ и 8 тыс. Дюрютта).

Ошибка, сдѣланная Шварценбергомъ, была такъ очевидна, что онъ былъ подозрѣваемъ, какъ я уже говорилъ, въ томъ, что будто тайно перешелъ на сторону русскихъ и что онъ не боролся для того, чтобы помѣшать тому паденію, которое Наполеонъ уже, впрочемъ, предвидѣлъ; но Шварценбергъ никакъ не могъ предвидѣть такого подозрѣнія.

Сакенъ, во время неожиданнаго возвращенія Шварценберга, былъ въ Изабелинѣ, въ 7 верстахъ отъ Волковыска, гдѣ стоялъ Ренъе, ожидая Шварценберга, чтобы вмѣстѣ съ нимъ напасть на русскихъ; но Сакенъ, сообразивъ, что онъ имѣетъ время разбить одного до прибытія другого, напалъ на перваго и захватилъ его въ ночь съ 2-го на 3-е ноября.

Несмотря на близкое расположеніе отъ русскихъ, саксонцы очень плохо охраняли себя. Четыре русскихъ баталіона ночью ворвались въ Волковыскъ и произвели полную панику; появленіе ихъ было настолько неожиданно, что самъ Ренъе едва спасся въ рубашкѣ; адъютантъ его былъ убитъ подлѣ него; генералъ Дюрюттъ былъ раненъ. Опомнившись отъ страха, саксонцы заняли возвышенности, въ верстѣ отъ города, прикрываясь рѣкой, которая помѣшала генер. Булатову

ударить имъ во флангъ, такъ какъ онъ не могъ переправиться черезъ нее.

Дрались цѣлый день, но безъ рѣшительнаго успѣха. Непріятель пытался было вновь занять Волковыскъ, но этого ему не удалось, такъ какъ городъ былъ сожженъ.

Опасаясь прибытія Шварценберга, Сакенъ не хотѣлъ вступать въ новый бой; тѣмъ болѣе, что, привлеки на себя главныя силы Шварценберга, онъ тѣмъ освободилъ отъ него адмирала. Теперь онъ думалъ перейти мостъ. Но австрійцы появились днемъ раньше, чѣмъ ихъ ожидали. Подойдя съ тылу, они заняли Изабелинъ, захватили весь обозъ русскихъ, всѣхъ раненыхъ, больныхъ и поставили корпусъ Сакена между собой и Ренье. Сакенъ находился въ страшно критическомъ положеніи, благодаря ошибкѣ казаковъ, которые донесли, что Шварценбергъ идетъ еще къ Слониму. Счастье Сакена и ошибка австрійцевъ спасли русскихъ.

Австрійцы были ближе къ мосту у Бланкитны, который служилъ единственнымъ путемъ отступленія русскихъ, и, если бы они заняли его, то совершенно отрѣзали бы имъ дорогу къ дальнѣйшему движенію и даже могли совершенно разбить ихъ. Но они ничего этого не сдѣлали и Сакенъ двинулся впередъ. Между тѣмъ, послѣ перехода войскъ Сакена, мостъ былъ настолько испорченъ, что требовалъ починки, а это заняло не мало времени. Ренье, перейдя р. Росъ въ Потрикоскѣ (Potrikoska), показался вблизи русскихъ и, если бы онъ ихъ энергично атаковалъ, то могъ сильно помѣшать ихъ отступленію. Австрійцы могли бы еще отрѣзать имъ путь отступленія на мосту черезъ Наревъ у Рудни—это былъ единственный изъ оставшихся мостовъ на этой рѣкѣ, такъ какъ мосты у Плонска были сожжены, о чемъ, къ счастью Сакена, непріятель не зналъ. Преслѣдовали они его очень медленно и у Рудни произошло только

одно арьергардное дѣло, которое однако стоило обѣимъ сторонамъ 500 или 600 человекъ.

Сакенъ продолжалъ отступление Бѣловѣжскимъ лѣсомъ, черезъ Каменецъ и Рѣжицу на Брестъ и Мухавецъ, которую онъ перешелъ въ Журавицкой Каменичѣ, окончивъ этотъ походъ съ такимъ же умомъ и ловкостью какъ и счастьемъ.

Между тѣмъ, около Бреста онъ имѣлъ дѣло, которое для него было очень несчастливо; но у насъ долго ничего объ этомъ не знали, такъ какъ онъ никому ничего не доносилъ.

Австрійцы его преслѣдовали и ихъ авангардъ хотѣлъ загородить ему переходъ черезъ Мухавецъ; но они были разбиты, а мы потеряли отличнаго артиллерійскаго полковника Бастіана.

Сакену нечего было больше опасаться Шварценберга; онъ узналъ всю несостоятельность французской арміи и предвидѣлъ, что его противникъ старался сохранить единственную неразбитую изъ союзныхъ армій и что онъ отступалъ на Варшаву. Сакенъ думалъ тогда двинуться вправо, чтобы соединиться съ войсками, идущими уже отъ Нѣмана (Niemen) или помогать имъ въ дѣлахъ противъ австрійцевъ. Онъ считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы отпустить Эссена съ его дивизіей, которую Чичаговъ (я не знаю почему) требовалъ обратно, и приказалъ ему идти на Мокраны, Ратно и Пинскъ и соединиться съ первымъ изъ корпусовъ, пришедшихъ въ Слонимъ. Но австрійцы отправили въ Пинскъ слабый отрядъ, а Эссенъ, боясь быть отрѣзаннымъ, сдѣлалъ очень длинный и бесполезный обходъ черезъ Овручъ и Мозырь.

Эта ошибка его обезславила; отъ него отняли дивизію и передали ее князю Дмитрію Волконскому. Эссенъ былъ отправленъ въ резервъ и не участвовалъ въ слѣдующей кампаніи.

Между тѣмъ, Сакенъ двинулся на Любомль и Ковель;

быть можетъ онъ не желалъ встрѣчи съ Шварценбергомъ на Волини, хотя онъ долженъ былъ защищать эту провинцію отъ польскаго корпуса генерала Косинскаго, который угрожалъ Устилугу и могъ пойти на Луцкъ и на Дубно, гдѣ были наши магазины.

Косинскому уже удалось занять Устилугъ и мостъ на Бугѣ, но онъ былъ прогнанъ генераломъ Мусинымъ-Пушкинымъ, пришедшимъ изъ Россіи съ подрѣвленіемъ для Сакена. Дѣло было серьезное и русскіе потеряли 200 чел. Косинскій отошелъ въ герцогство Варшавское, чтобы дѣйствовать противъ Витта, который со своими Украинскими казаками уже подошелъ къ Бялѣ и имѣлъ съ поляками дѣло въ Ловичѣ.

Въ это время Сакенъ хорошо размѣстилъ свои войска по квартирамъ и далъ имъ отдыхъ, послѣ трудовъ и страшной усталости. Штабъ-квартира самого Сакена была въ Дольскѣ, въ чудномъ замкѣ, принадлежащемъ графу Мощинскому и построенномъ близъ Ковеля. Здѣсь онъ прожилъ 15 дней, а 3-го (15-го) декабря получилъ приказаніе отъ Кутузова идти черезъ Пинскъ и Слонимъ для присоединенія къ арміи. Сакенъ быстро двинулся на Крымно, Любашевъ, Море, Яновъ и Бездешъ (Bejdeje) Булатова послалъ черезъ Малець, Пружаны и Шерешевъ на Бугъ, а князя Ивана Ливена черезъ Кобринъ на Брестъ, куда и прибылъ одинъ изъ его отрядовъ 16-го (20-го) декабря.

Австрійцы повсюду отступали; морозъ приносилъ имъ много страданій; между р. Лѣсной и р. Бугомъ они вездѣ оставляли много отсталыхъ, больныхъ и умершихъ, большею частію замерзшихъ, потери ихъ во время отступленія достигли 4 т.—5 т. человѣкъ.

Сакенъ снова соединился съ дивизіей, бывшей Эссена, а теперь Дмитрія Волконскаго, и вскорѣ послѣ прихода Милорадовича съ авангардомъ арміи Кутузова занялъ 26-го декабря 1812 г. (8-го января 1813 г.) Варшаву,

которую Шварценбергъ оставилъ, предложивъ занять ее Сакену. Австрійцы вернулись въ свое отечество, а Сакенъ остался въ Варшавѣ.

Раньше мы видѣли, что армія Чичагова 19-го ноября (1-го декабря) появилась въ Зембинѣ. Отсюда Чичаговъ отправилъ своего начальника штаба генерала Сабанѣева въ Петербургъ. Онъ ему поручилъ доложить Государю обо всѣхъ дѣйствіяхъ его арміи и насколько распоряженія Чичагова соотвѣтствовали обстоятельствамъ. Выборъ этаго генерала не выказалъ со стороны адмирала большого ума. Сабанѣевъ, хорошо знавшій Чичагова, не услужилъ ему при докладѣ Государю. Онъ долженъ былъ сказать правду и сказалъ! Чичаговъ написалъ Государю, что ему не за что упрекать себя и что нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ дѣлаетъ ошибки, потому что не могъ быть вездѣ самъ и что онъ не имѣлъ ни одного генерала, которому бы могъ довѣрять.

Государь не раздѣлилъ этого мнѣнія.

Наступившіе холода стали давать себя чувствовать. Въ Зембинѣ было 7°—8°, дня черезъ три стало 15°—18°, а 29-го ноября (11-го декабря) было 28°. Это было чрезвычайно рѣдкіе не только въ Польшѣ, но и въ Петербургѣ, морозы, никогда не начинавшіеся въ ноябрѣ. Они были причиною разрушенія французской арміи, разрушенія, какъ въ частности, такъ и въ общемъ, неимѣющаго примѣра въ исторіи среди всѣхъ человѣческихъ бѣдствій и превышавшаго даже несчастія арміи Камбиза въ Египтѣ.

Снѣгу выпало мало и онъ слегка подмерзъ; 17-го (29-го) ноября шелъ дождь, ночью былъ сильный морозъ и сдѣлалась ужасная гололедица, по которой лошади могли двигаться съ большимъ трудомъ; большинство изъ нихъ потеряло подковы, замѣнить которыя было нечѣмъ. Генералы, офицеры, солдаты, даже кавалерія и артиллерія шли пѣшкомъ, держа лошадей подъ уздцы; лошади страшно сколь-

зили и падали, а это вызывало поминутныя остановки. Одни только лихіе казаки не сходили съ своихъ коней, которые не были даже подкованы, и мчались по полю, возлѣ дороги, на виду непріятеля.

Между Зембиномъ и Плещеницей, куда мы пришли 20-го ноября (2-го декабря), и въ Иліи¹⁾, куда прибыли на другой день въ полночь, послѣ огромнаго перехода, изнемогая отъ усталости, мы начали находить разбитые и брошенные обозы, пушки и нѣсколько несчастныхъ полузамерзшихъ, истощенныхъ солдатъ. Но это еще было ничто сравнительно съ ужасными зрѣлищами, которыя мы увидѣли на слѣдующихъ переходахъ. Въ продолженіе этихъ 3-хъ дней, наши солдаты еще подъ вліяніемъ раздраженія за пожаръ Москвы, приписываемый французамъ, и зная, что Наполеонъ, во время отступленія, разстрѣлялъ русскихъ плѣнныхъ, которыхъ не могъ взять съ собою (фактъ, подтвержденный самими французами), ударами прикладовъ убивали несчастныхъ встрѣчныхъ. Офицеры всѣми силами старались остановить эту ужасную месть; но она въ то же время избавляла несчастныхъ страдальцевъ отъ ужасныхъ мученій.

Но скоро жалость въ сердцахъ нашихъ солдатъ взяла верхъ надъ желаніемъ мести, конечно жестокой и несправедливой, но простительной, при воспоминаніи о тѣхъ бѣдствіяхъ,

¹⁾ Въ Иліи я пошелъ въ жидовскій трактиръ, который, противъ обыкновенія, не былъ разграбленъ; тамъ я нашелъ 5 труповъ, брошенныхъ въ окно. Бывшій со мною генералъ Мантейфель увидалъ двухъ саксонскихъ офицеровъ. Мы развели огонь и легли на столѣ. Одинъ изъ моихъ адъютантовъ, Рюль, заболѣлъ наканунѣ гнилой лихорадкой и я его уложилъ въ кровать больнымъ я посадилъ одного несчастнаго французскаго хирурга безъ руки, поднятаго мною на дорогѣ; онъ задремалъ, а Рюль въ бреду всталъ съ постели и, подойдя къ столу, гдѣ мы спали, началъ стучать. Мы проснулись и увидѣли Рюля съ помутившимся взглядомъ, въ одной рубашкѣ, точно привидѣніе. Оба полунагіе саксонца грѣлись у потухавшаго огня и блѣдный свѣтъ слабо освѣщаль всю комнату и дѣлалъ всю сцену еще болѣе страшной. Эта картина достойна быть помѣщенной въ разсказахъ М-ше Радклифъ.

яхъ, которыя претерпѣвало отечество, во время этого нашествія, напоминавшаго времена варваровъ. Солдаты стали равнодушно смотрѣть на жертвы, посылаемыя судьбой, и даже дѣлили съ ними свой хлѣбъ; но, съ другой стороны, это было вредно и даже тяжело, потому что они этимъ лишь продолжали ихъ мучительную агонію.

Между Иліей и Молодечно, куда мы пришли 22-го ноября, дорогу пересѣкалъ огромный лѣсъ; тамъ было такъ много мертвыхъ тѣлъ, что Павлоградскіе гусары, шедшіе въ авангардѣ пѣшкомъ, принуждены были пиками отбрасывать трупы въ сторону, чтобы очистить дорогу всей колоннѣ.

Тутъ представилось нашимъ глазамъ зрѣлище, котораго я никогда не видалъ и не увижу: русская армія шла посреди дороги въ сомкнутой колоннѣ, а по обѣимъ сторонамъ той же дороги шли или, вѣрнѣе, тащились двѣ непріятельскія колонны, безъ оружія, топча ногами мертвыхъ, которыми была усѣяна дорога.

Каждую минуту сотни бѣглецовъ падали; тѣ изъ нихъ, которые еще имѣли хоть немного физической силы, силились приподняться, но, не будучи въ состояніи держаться, падали вновь и умирали.

Въ этомъ ужасномъ бѣдствіи чловѣчества, которое такъ страшно страдало, невозможно было не улыбнуться на костюмы нѣкоторыхъ изъ этихъ жертвъ Наполеона. Это былъ настоящій маскарадъ. Усатые гренадеры надѣвали женскіе чепчики и платья, нѣкоторые накидывали на себя священническія ризы, иные имѣли шитые мундиры камергеровъ, найденные въ обозахъ; меня увѣряли, что самъ Наполеонъ былъ не менѣе комиченъ, когда онъ долженъ былъ ѣхать верхомъ (что было очень рѣдко, такъ какъ обыкновенно онъ разѣзжалъ въ хорошей каретѣ и въ шубѣ); онъ ѣхалъ на маленькой лошаdkѣ „Изабеллѣ“, завернутый въ огромную шубу, крытую зеленымъ съ золотомъ, украденную изъ Мо-

сквы; на головѣ у него была мѣховая шапка. Онъ, какъ и другіе, былъ настоящей карриатурой.

Послѣ Березины, всѣ эти несчастные французы и иностранцы въ короткихъ одеждахъ, въ полотняныхъ панталонахъ и жилетахъ, безъ шинелей, не имѣли никакой провизіи, питаясь одной кониной (дохлой), которую они рѣзали на части и поджаривали на палкахъ, но чаще ѣли сырую. Эта ужасная пища была причиной разившейся въ войскѣ дизентеріи; отъ этой пищи люди слабѣли, а не подкрѣплялись, но у нихъ другого выбора не было.

Можно думать, что и мы были въ такомъ же положеніи; но, напротивъ, у насъ было изобиліе всего; слѣдовавшій за нами полковой обозъ доставлялъ намъ сухари, въ которыхъ мы никогда не нуждались. Конечно опустошенныя и большею частію сожженныя деревни ничего не могли дать ни отступающимъ ни наступающимъ; но деревни, расположенныя въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дороги, оставались нетронутыми. Французы не рисковали проникнуть туда за фуражомъ и провизіей, чтобы не быть выгнанными и избытками нашими казаками, которые доставляли намъ всевозможную провизію, а въ жидовскихъ городахъ они отгапывали все, что жида прятали ¹⁾). Наши солдаты были хорошо одѣты и обуты, имѣли теплыя шинели ²⁾); кромѣ того, какъ болѣе привыкшіе переносить холодъ, нежели непріятель, они не

¹⁾ Жида любилъ русскихъ и для насъ они были очень полезны, но никогда не забывались. Нѣкоторые изъ нихъ слѣдовали за арміей и раскупали у казаковъ ихъ добычу, давая имъ возможность искать новую. Евреи платили за купленныя вещи фальшивыми ассигнаціями русскаго банка (la banque Russe), которыя Наполеонъ, не стѣснявшійся ничѣмъ, выдѣлывалъ и распускалъ въ Польшѣ. Благодаря этому, жида получали все даромъ, а казаки оставались не при чемъ.

²⁾ Во время перехода отъ Березины къ Вильнѣ, я видѣлъ только одного замерзшаго нашего солдата, это былъ Павлоградскій гусарь, пьяный. Но русскіе плѣнные, взятыя подъ Стаховымъ, въ сраженіи съ кирасирами, всѣ умерли, потому что французы не кормили ихъ и сняли съ нихъ всю одежду.

подвергались тѣмъ опасностямъ какъ неосторожные ихъ враги, ихъ рѣдко можно видѣть спящими на морозѣ, даже ночью и никогда не около огня. Какъ ни рѣдко имъ приходилось проводить ночь въ избохъ, но они избѣгали подходить къ печкѣ. Мы всѣ, генералы и офицеры, слѣдовали ихъ примѣру и, несмотря на невѣроятную усталость, превозмогали себя и не спали. Французы, наоборотъ, въ жидовскихъ корчмахъ спѣшили къ огню, который разводили крайне неосторожно; часто корчма обрушивалась и всѣ находившіеся тамъ были раздавлены или сожжены. Въ домахъ они бросались къ печамъ и я самъ видѣлъ нѣсколько человѣкъ, забравшихся внутрь печи и задохнувшихся тамъ.

Я видѣлъ, увя! вещи еще ужаснѣе! въ лѣсу Молодечно я видѣлъ одну женщину, которая, произведя на свѣтъ младенца, умерла вмѣстѣ съ ребенкомъ ¹⁾).

Я видѣлъ человѣка, умершаго внутри лошади, которую онъ распоролъ, вытащилъ всѣ внутренности и влѣзъ въ середину, чтобы согрѣться.

Я видѣлъ одного, который рвалъ зубами внутренности издохшей лошади. Не смѣю утверждать, чтобы несчастные французы ѣли людей, но я видѣлъ трупы съ вырѣзан-

¹⁾ Невозможно себѣ представить, какую массу женщинъ тащила за собой французская армія! и я замѣтилъ, что онѣ гораздо лучше переносили холодъ чѣмъ мужчины; я спрашивалъ многихъ несчастныхъ, слѣдовавшихъ за нами, куда онѣ идутъ? онѣ отвѣчали «въ Вильну, на зимнія квартиры, Наполеонъ намъ обѣщалъ ихъ»—«Но вѣдь вы же не съ Наполеономъ, вы находитесь среди вашихъ непріятелей, говорилъ я имъ, на какія, квартиры вы рассчитываете?» «Это для насъ безразлично, отвѣчали онѣ, вы намъ не дѣлаете ничего дурного, вы насъ кормите и мы идемъ въ Вильну, на зимнія квартиры». Ихъ невозможно было разубѣдить въ той надеждѣ, которую Наполеонъ вселилъ во всю свою армію. Кромѣ женъ офицеровъ, солдатъ и маркитантокъ, была масса другихъ, пришедшихъ въ армію, я думаю, для одного распутства. Мы видѣли также актрисъ изъ труппы французской драмы въ Москвѣ и италіанскихъ пѣвицъ изъ оркестра Мюрата.

Толпа французскихъ артистовъ и рабочихъ слѣдовала за арміей; тутъ были слесаря, часовщики, каменщики, ювелиры, каретники и т. д. Вѣроятно Наполеонъ хотѣлъ устроить въ Россіи колоніи.

ными кусками мяса на бедрахъ, чтобы кормиться имъ. Трупы мы находили даже въ зарядныхъ ящикахъ.

Генераль Башиловъ встрѣтилъ близъ Иліи молодого офицера, совершенно обезсиленнаго и изнуреннаго; онъ ему далъ хлѣба, покрылъ шубой и положилъ въ свою коляску, но, пріѣхавъ въ Илію, его нашли уже мертвымъ. На мертвыхъ, обезображенныхъ лицахъ видно было выраженіе надежды; одинъ умершій лежалъ съ протянутыми къ небу руками, вѣроятно для молитвы; другой съ скрещенными руками былъ въ положеніи молящагося человѣка; третій съ сжатыми кулаками и съ видомъ полного отчаянія, угрозы и злобы, причиною которыхъ былъ, вѣроятно, Наполеонъ.

Но обаяніе его все-таки было еще такъ велико, что никто изъ этихъ раздраженныхъ не покусился не только на его жизнь, но даже на его обозъ.

Среди этихъ ужасныхъ бѣдствій, жестокой и безчувственный деспотъ не занимался ничѣмъ, кромѣ себя. Этотъ случайный баловень судьбы, этотъ счастливый солдатъ, когда принужденъ былъ переносить неизбѣжныя лишенія, закрывался шубой (какъ я говорилъ выше) и спокойно спалъ въ каретѣ, катившейся по трупамъ! онъ надругивался надъ своими несчастными жертвами. Окруженный 100 тыс. истощенныхъ и полныхъ изнеможенія людей, онъ гораздо больше заботился о своемъ обѣдѣ, также какъ и о своей собственной персонѣ. Онъ имѣлъ всегда отличное мясо, шампанское и Бордо.

Генераль Луазонъ привелъ изъ Вильны 10 тыс. хорошо одѣтыхъ, не терпѣвшихъ никакихъ лишеній солдатъ. Соединясь съ арміей, онъ началъ отступать вмѣстѣ съ ней и въ двѣ ночи потерялъ 7 т. чел. замерзшими. Передъ входомъ въ Молодечно, гдѣ проходитъ большая дорога изъ Минска въ Вильну, находилъ лѣсъ и маленькая рѣчка, не широкая, не глубокая, но очень быстрая и, несмотря на 18° морозъ,

еще не замерзшая. Была ночь, когда нашъ авангардъ прібылъ туда и немногіе изъ противниковъ, которые еще были въ состояніи нести оружіе, защищали берегъ. Въ 100 шагахъ отъ рѣки стоялъ домъ одного польскаго дворянина и тамъ-то остановился Наполеонъ, окруженный своей арміей.

Казаки намѣревались пробить себѣ проходъ, но это имъ не удалось. Старый казачій генераль-лейтенантъ Мартыновъ былъ здѣсь раненъ, преслѣдованіе противника отложили на завтра и мы расположились бивакомъ въ лѣсу, половину котораго мы сожгли на костры. На слѣдующій день, 22-го ноября (4-го декабря), съ разсвѣтомъ мы перешли рѣчку и вошли въ Молодечну, которую непріятель покинулъ въ 2 часа утра.

Я одинъ изъ первыхъ вошелъ въ городъ и привратникъ маленькаго замка, гдѣ останавливался Наполеонъ, мнѣ сказалъ, что Наполеонъ пріѣхалъ наканунѣ, въ 4 ч. пополудни, что онъ совсѣмъ не ложился, писалъ до 2-хъ час. утра и затѣмъ уѣхалъ верхомъ. Онъ ввелъ меня въ его комнату и показалъ обрѣзки бумаги, изъ которой онъ дѣлалъ конверты для огромнаго пакета, отправленнаго имъ въ Парижъ съ курьеромъ. Это былъ его знаменитый 29-й бюллетень¹⁾. Я вошелъ въ одинъ монастырь de Piétistes, гдѣ мнѣ назначили квартиру и увидѣлъ, что всѣ кельи были разграблены, съ дюжину труповъ валялись на лѣстницѣ и въ коридорахъ; отецъ настоятель сказалъ мнѣ, что три маршала оста-

¹⁾ Этотъ бюллетень былъ первымъ, который открылъ Франціи настоящее положеніе великой арміи; всѣ остальные были сборниками самой невѣроятной лжи. 29-й обнаружилъ правду. Въ Парижѣ произошла сенсація. Особенно приходили въ негодованіе, узнавъ объ ужасныхъ страданіяхъ и потеряхъ арміи; бюллетень оканчивался фразой насколько неполитичной, на столько оскорбительной для народа, которую единственно (Sejean) могъ написать изъ (Tibere). Вотъ эта фраза: «Никогда еще здоровье императора не находилось въ лучшемъ состояніи». — Дѣйствительно оно было очень хорошо!... Его чудовищный эгоизмъ дѣлалъ его индифферентнымъ къ окружающимъ его несчастіямъ и къ погибшимъ у него 500 т. подданныхъ!

навливались здѣсь и въ 4 ч. утра уѣхали; тотчасъ послѣ ихъ отъѣзда солдаты разграбили монастырь, который до сихъ поръ былъ очень почитаемъ. Добрый отецъ Петръ, вздыхая и со слезами на глазахъ, сказалъ мнѣ, что они совершили еще большія жестокости; онъ меня повелъ въ церковь, гдѣ я почувствовалъ ужасъ при видѣ совершеннаго святотатства. Священные сосуды были выброшены изъ алтаря и употреблены для потребностей солдатъ; св. дары были разлиты по полу... Кто рѣшился бы на такія ужасныя вещи? Злодѣи безъ принциповъ, безъ нравственности, безъ религіи, однимъ словомъ это были продукты революціи! нѣкоторые изъ нихъ тутъ же кончали влеченіе своей жалкой, порочной жизни и умирали въ церкви, даже у алтаря, который они осквернили. И вмѣсто угрызенія совѣсти, они ощущали желаніе быть еще преступнѣе передъ Богомъ. Что можно ожидать отъ такого безнравственнаго народа? Что можно ожидать отъ такого субъекта, у котораго даже приближеніе смерти не могло возбудить религіознаго чувства. Вотъ гибельное послѣдствіе чудовищной ужасной революціи!

Въ первые 4 дня преслѣдованія, мы считали пушки, зарядные ящики и оставленные обозы, но послѣ Сморгони, куда мы пришли 25-го ноября (7-го декабря), ихъ стало такъ много ¹⁾, что никто не занимался ихъ счетомъ.

Между Сморгонью и Вильной, куда мы пришли 11-го декабря, мы нашли 500 пушекъ и 3 или 4 тысячи зарядныхъ ящиковъ, фургоновъ, обозныхъ повозокъ и пр. Трупы валялись въ той же пропорціи. Мы вычислили, приблизительно, что между Березиной и Нѣманомъ, потери француз-

¹⁾ Больше уже не брали въ плѣнь, такъ какъ было невозможно тащить за собой всѣхъ плѣнниковъ. Вблизи Ошмяны, старый солдатъ изъ гвардіи Наполеона, попросилъ казака взять его, но казакъ отказалъ ему и уѣхалъ. Французъ воскликнулъ: «Боже мой! 20 ранъ, 15 кампаній, гвардейскій гренадеръ, и какой-то несчастный казакъ не хочетъ меня взять!»

ской арміи равнялись 100 т. чел. Въ Вильнѣ, на улицахъ, мы нашли 28 т. труповъ, столько же лошадей, экипажи главнаго штаба, неаполитанскаго короля ¹⁾, Бертье и другихъ маршаловъ, архивы, канцеляріи и проч.

Въ 5 верстахъ отъ Вильны, на дорогѣ къ Ковнѣ, французы оставили свой обозъ ²⁾, на крутой горѣ, Панарскія высоты (Passovvoya daga), такъ какъ ни одна лошадь не могла взойти на эту гору. 28^о мороза и страшная гололеда едва позволяли двигаться людямъ. Обойдя гору влѣво, французы могли бы удержать свой обозъ еще на нѣсколько дней и можетъ быть спасти что-нибудь. Въ повозкахъ обоза нашли болѣе чѣмъ на 10 милліоновъ золота и серебра; оригинально и курьезно въ этомъ грабежѣ было то, что нѣкоторые изъ французскихъ солдатъ, едва-едва бывшіе въ состояніи стоять на ногахъ и не имѣвшіе никакой надежды на спасеніе, присоединились къ казакамъ, чтобы воровать ящики и запасть на наполеоновскими 5-ти франковыми монетами.

У горы Ронгану остатки французской гвардіи попробовали защищаться и тутъ произошло небольшое дѣло, въ которомъ погибъ подполковникъ Бибииковъ, племянникъ Кутузова, молодой человекъ очень храбрый, выказавшій военные таланты.

Еще до Сморгони, гвардія Наполеона, пользуясь привилегированнымъ положеніемъ и лучше содержанная, страдала

¹⁾ Я видѣлъ огромный фургонъ, принадлежавшій этому театральному королю (roi de théâtre); онъ былъ наполненъ разной парфюмеріей, склянками духовъ (которыя наши казаки приняли за ликеръ), банками помады (которую они приняли за масло), массой sachets и косметикъ, годными лишь для туалета актрисы. Когда эта повозка была разграблена, весь городъ былъ надушенъ. Мы очень забавлялись этой находкой и каждый изъ насъ имѣлъ достаточное количество помады и духовъ.

²⁾ Между прочими былъ экипажъ Наполеона, тамъ нашли его портфель, одежды, приказы, скипетръ и императорскую мантию, въ которую, говорятъ, облекся одинъ казакъ. Мы уже привыкли къ такимъ метаморфозамъ и римскимъ сатурналіямъ. Ко мнѣ, однажды, пришелъ казакъ въ одеждѣ французскаго сенатора съ широкой вышивкой на груди.

меньше другихъ корпусовъ и сохраняла извѣстную организацию, но когда императоръ ее покинулъ ¹⁾, они раздѣлили лишеныя и несчастія со всей остальной арміей. Масса медвѣжьихъ шапокъ, найденныхъ нами по дорогѣ, доказала намъ, что это гвардія уже болѣе не „безсмертная“.

За нѣсколько дней до этого, Наполеонъ, очень заботившійся о сохраненіи своей священной особы, окружилъ себя толпой генераловъ и офицеровъ изъ уничтоженныхъ полковъ и составилъ почетную стражу, подъ командою Мюрата.

Изъ Варшавы Наполеонъ послалъ ему приказаніе остановиться, по крайней мѣрѣ, на Нѣманѣ, если бы онъ не могъ этого сдѣлать въ Вильнѣ, и занять позицію.

Или Наполеонъ совершенно потерялъ голову или хотѣлъ еще, обманывая Европу, обезопасить свое бѣгство. Могъ ли онъ надѣяться, что его армія, изъ которой 20 т. или 30 т. были умирающіе и только тысячъ 8 въ состояніи были сражаться, могла остановиться въ Вильнѣ или на Нѣманѣ и разбить 100 т. армію храбрыхъ солдатъ, полныхъ отваги и усердія, которые ни въ чемъ не нуждались и были возбуждены еще желаніемъ отомстить за ихъ потери и полны злобы за всю эту войну. Даже, собравъ корпусъ Шварценберга и Макдональда

¹⁾ Изъ Сморгони, 23-го ноября (5-го декабря), этотъ знаменитый побѣдитель, пришедшій въ Россію съ 600 т. чел. и богатымъ обозомъ, бѣжалъ съ Коленкуромъ безъ всякаго багажа, въ крестьянскихъ саняхъ.

Въ исторіи посольства въ Варшаву аббата Pradt очень комично описаны это путешествіе и пріѣздъ въ столицу. Въ Ошмянѣхъ Наполеонъ едва не былъ захваченъ партизаномъ Сеславинымъ, который появился тамъ въ тотъ же день и даже вошелъ въ городъ, но, найдя тамъ дивизію Луазона, прибывшаго наканунѣ, долженъ былъ удалиться. Если бы онъ зналъ, что Наполеонъ покинулъ свою армію, онъ-бы легко могъ догнать его на дорогѣ. Этотъ Сеславинъ, тогда полковникъ, вмѣстѣ съ Фигнеромъ (о которомъ будетъ рѣчь при описаніи кампаніи 1813 г.) были самыми ловкими, неустраслимыми и отважными партизанами. Бѣгство Наполеона, сравнимое съ бѣгствомъ изъ Египта, иныхъ безкуражило, иныхъ привело въ бѣшенство, излившееся въ упреки противъ него. Я видѣлъ близъ Сморгони умирающаго офицера, который мнѣ сказалъ, что онъ только потому жалѣетъ свою жизнь, что не можетъ отнять ее у Наполеона.

и дивизіи, разсѣянные по Германіи, могъ ли онъ льстить себя мыслью о сопротивленіи намъ съ такимъ успѣхомъ, чтобы задержать насъ на нашей границѣ? Мюрата обсудилъ свое положеніе болѣе здраво; онъ уѣхалъ изъ Ковны въ Неаполь и передалъ принцу Евгенію Богарне жалкіе остатки огромной арміи.

Мы оставались въ Вильнѣ 4 дня; узнавъ нѣкоторыхъ изъ моихъ несчастныхъ соотечественниковъ, я имѣлъ счастье спасти имъ жизнь; въ числѣ ихъ находились: М-г Дюрфортъ (Durfort), М-г Фонтанжъ (Fontanges). Съ одними я подѣлился всѣмъ тѣмъ, что у меня было, а другимъ закупилъ все необходимое въ Вильнѣ. Эти господа прислали мнѣ изъ Парижа горячую благодарность, а въ газетахъ напечатаны были заслуженныя мною похвалы. Развѣ я могъ поступить иначе? Другіе генералы послѣдовали моему примѣру и мы выхватили много жертвъ изъ объятій смерти ¹⁾. Адмиралъ Чичаговъ нашелъ и спасъ графа Chabannes de la Palice. Вильна была наполнена больными и ранеными; ихъ было болѣе 20 т. чел. ²⁾.

Я пошелъ осматривать госпитали и нашелъ ихъ такими же отвратительными и зараженными, какъ и въ Минскѣ ³⁾. Императоръ Александръ, пріѣхавъ въ Вильну 10-го (22-го) декабря, поручилъ надзоръ за этими госпиталями и работами въ городѣ графу Сенъ-При, своему генералъ-адъютанту ⁴⁾. Сначала хотѣли сжечь трупы и складывали ихъ

¹⁾ Въ Вильнѣ взято въ плѣнъ болѣе 30 французскихъ и польскихъ генераловъ.

²⁾ Жиды гнали изъ своихъ домовъ всѣхъ тѣхъ, которые укрывались у нихъ и выбрасывали ихъ на улицу, гдѣ они вскорѣ и умирали.

³⁾ Одинъ изъ моихъ адъютантовъ видѣлъ двухъ выздоравливающихъ солдатъ, которые играли въ шкетъ и вмѣсто стола употребили спину одного изъ замерзшихъ своихъ товарищей. Они назвали эту спину своимъ игральнымъ столомъ. Этотъ фактъ похожъ на тѣ, которые происходили во время грабежа церкви въ Молодечно.

⁴⁾ Авторъ исторіи «de l'expédition de Russie», свидѣтель-очевидецъ, говоритъ намъ о госпиталяхъ Вильны: «Госпиталь св. Василія. Ужасное обиталище!... несчастные были свалены одинъ на другомъ въ мерзлыхъ комнатахъ

по 50, по 100 вмѣстѣ; но они отмерзали и не сгорали. Ихъ похоронили весной ¹⁾.

Кутузовъ пріѣхалъ въ Вильну 1-го (13-го) декабря. Онъ встрѣтилъ Чичагова съ ироническими привѣтствіями и снова отправилъ его преслѣдовать непріятеля. Всѣ поляки и литовцы засвидѣтельствовали Кутузову свою преданность и покорность, въ искренности которыхъ я позволю себѣ усомниться. Ихъ лица были очень вытянуты, тогда какъ фізіономія Кутузова выражала злобный сарказмъ.—Поляки отлично это поняли.

Жители Вильны и не подозрѣвали о громадныхъ потеряхъ французовъ до тѣхъ поръ, пока не увидѣли нашихъ казаковъ, прибывшихъ вмѣстѣ съ бѣглецами изъ Москвы. Это можетъ показаться невѣроятнымъ, но между тѣмъ это вѣрно. До послѣдняго момента герцогъ Бассано (Bassano), бывший въ Вильнѣ, имѣлъ самыя ложныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ, вводившихъ въ заблужденіе не только жителей этого города, но и всѣхъ иностранныхъ дипломатовъ, собравшихся тамъ... Когда французы появились у Нѣмана, у нихъ осталось не болѣе 30 т. чел., изъ которыхъ было только 4 т. или 5 т. годныхъ носить оружіе.

Я попробую привести свѣдѣнія о тѣхъ огромныхъ силахъ, которыя Наполеонъ привелъ въ Россію и сколько у него осталось:

и заражали себя и окружающихъ гангренозными членами. Болѣе 6 т. труповъ было навалено на дворахъ или на лѣстницахъ, гдѣ большая часть этихъ страдальцевъ умирала.

¹⁾ Въ продолженіе всего моего описанія видно, что я не восхищался Чичаговымъ, но я принужденъ сказать правду, что одному ему обязаны полнымъ истребленіемъ непріятельской арміи послѣ перехода Березины. Онъ ее преслѣдовалъ, не теряя секунды; другіе командиры корпусовъ не дѣйствовали такъ.

Витгенштейнъ двинулся правѣе, чтобы попробовать отрѣзать путь Макдональду, а наша многочисленная армія, идя влѣво, не видѣла ни одного непріятеля съ самаго Вобра.

Составъ французской арміи:

	Пѣхоты:	Кавалеріи:
Штабъ Бертъе	3 т.	1 т.
1-й корпусъ Даву	68 ¹ / ₂ "	3 ¹ / ₂ "
2-й " Удино	34 "	3 "
3-й " Ней	36 "	3 ¹ / ₂ "
4-й " принцъ Евгенийъ	42 ¹ / ₂ "	2 ¹ / ₂ "
5-й " князь Понятовскій	32 "	4 "
6-й " Сень-Сиръ ,	23 "	2 "
7-й " Ренъе	15 "	2 "
8-й " Вандамъ	16 "	2 "
9-й " Викторъ	31 "	2 "
10-й " Макональдъ и Гюркъ	30 "	2 ¹ / ₂ "
Императорск. гвардія Бессьеръ (Bessières)	41 "	6 "
Австрійскій корпусъ Шварценберга	27 "	7 "
1-й кавалер. корпусъ Нансути	— "	12 "
2-й " " Монбрена	— "	11 "
3-й " " Груши	— "	10 ¹ / ₂ "
4-й " " Латуръ-Мобура	— "	8 ¹ / ₂ "
Дивизія Дюрютта	13 ¹ / ₂ "	— "
Дивизія Луазона	13 ¹ / ₂ "	— "
Рекрутовъ и выздоровѣвшихъ, присоединившихся къ арміи во время войны	86 "	15 "
Итого.	512 т.	83 т.

А всего 595 т.

Лошадей: кавалерійскихъ, артиллерійскихъ, обозныхъ и офицерскихъ 187 т.
Артиллерійскихъ орудій 1372
Изъ корпусовъ, возвратившихся изъ Москвы, Курляндіи

и Митавы, осталось около 30 т. чел., изъ которыхъ 18 т. не были годны для службы; осталось налицо:

Пруссаковъ	12 т.
Австрійцевъ	28 „
Саксонцевъ	10 „
Поляковъ	20 „
Всего	82 т.

Такимъ образомъ 513 тысячъ человекъ погибло въ самой сумасшедшей кампаніи, отвратительно веденной и самой неправильной, о которой можетъ упомянуть исторія войнъ.

Мы видимъ, что Наполеонъ понесъ большія потери не только подъ Москвой, но и раньше онъ не имѣлъ и четвертой части своей огромной арміи: попавшіе въ госпитали, за малымъ исключеніемъ, уже обратно во фронтъ не возвращались.

До Бородинскаго сраженія онъ потерялъ 125 т. чел. Онъ перешелъ Нѣманъ съ 480 т., изъ коихъ болѣе 80 т. было кавалеріи (я считаю въ этомъ числѣ Шварценберга и Ренъе). Если отъ этихъ 480 т. отнять корпуса Удино, Сень-Сира, Виктора, Макдональда, дивизію Домбровскаго, корпусъ Шварценберга, пруссаковъ, кавалерійскіе отряды, составляющіе въ общемъ 180 т., то въ великой арміи останется 300 т. чел. Мы видѣли раньше, что до Смоленска у него осталось 190 т.; послѣ Смоленска 155 т.; до Бородина 134¹⁾ и когда пришелъ въ Москву—103 т.; но онъ имѣлъ еще подкрѣпленія, такъ что въ общемъ у него было 115 т. пѣхоты и 14 т. кавалеріи. Въ Смоленскъ вернулось не болѣе 42 т., бывшихъ въ состояніи драться, а потеря въ пушкахъ дошла до 350. Въ Борисовѣ, съ присоединеніемъ Виктора и Удино, онъ имѣлъ только 43 т. ружей и 15 т.

¹⁾ Русскіе подъ Бородиною имѣли 105 т. вооруженныхъ людей, изъ которыхъ 10 т. или 15 т. были ратники, и 600 пушекъ.

кавалеріи. Въ Вильнѣ у него осталось только 8 т. вооруженныхъ солдатъ. 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 9 корпуса, насчитывавшіе въ своихъ рядахъ 28 т. солдатъ, превращены были въ 2 т. ружей.

Армія Чичагова покинула Вильну 2-го (14-го) декабря. Мы прошли Новыя Троки и стали по квартирамъ близъ Нѣмана, въ Прены и др.

16-го (28-го) декабря, когда мы пришли туда, то были весьма немногочисленны. Наша армія тоже сильно уменьшилась въ походѣ, не столько умершими, сколько бѣглыми. Въ этой сумятицѣ невозможно было ничего разобрать; наши полки шли въ безпорядкѣ, какъ попало, офицеры часто были отдѣлены отъ солдатъ и не могли за ними слѣдить. Огромное число отсталыхъ разбрасывалось по деревнямъ и даже въ городахъ. Все это насъ очень ослабило. Генераль Сергѣй Л, командовавшій довольно сильнымъ отрядомъ, находился на нашемъ лѣвомъ флангѣ; ему было поручено тревожить французскія колонны, разрушать мосты и портить дороги. Но онъ недолго занимался этими экспедиціями, такъ какъ вскорѣ совсѣмъ покинулъ армію, безъ приказанія, безъ разрѣшенія. Онъ велъ войну или вѣрнѣе совершилъ тысячу разбойничествъ въ Польшѣ и даже въ Пруссіи; онъ обезславилъ имена молодыхъ людей изъ хорошихъ фамилій, грабилъ казну, захватывалъ цѣлыя табуны лошадей, избивалъ путешественниковъ и совершалъ всевозможныя преступленія.

Въ сраженіяхъ подъ Борисовымъ Стаховымъ, и. т. д. мы потеряли около 10 т. чел. Въ разбѣзды и на мелкіе отряды мы употребили тысячи 4—5, такъ что у насъ должно было остаться отъ 20 до 25 т. чел., а между тѣмъ, когда мы пришли на Нѣманъ, то въ арміи мы не насчитывали и 10 т.

Въ продолженіе 3-хъ дней, когда мы перешли на лѣвый

берегъ Нѣмана и расположились по квартирамъ, къ намъ вернулось отъ 4 до 5 т. бѣглецовъ.

Чтобы дополнить картину ужаснаго бѣдствія французской арміи при отступленіи отъ Москвы, я прибавлю къ исторіи войны 1812 г. нѣкоторыя детали, выписки изъ работы подъ заглавіемъ „Заключеніе Московской кампаніи Рене Буржуа, полкового штабъ-лекаря“. Детали эти ужасны, но крайне интересны. Всѣ тѣ, которые были дѣйствующими лицами или свидѣтелями этой катастрофы, пережившіе ее и которыхъ я расспрашивалъ во Франціи, увѣрили меня въ правдоподобности разсказа автора брошюры, выписки изъ которой я привожу. 30 т. бѣглецовъ перешли Нѣманъ; болѣе $\frac{1}{4}$ ихъ погибло передъ Вислой; наши партизаны преслѣдовали ихъ, перерѣзали имъ дорогу, иныхъ умертвили, другихъ разогнали. Полковникъ Чернышевъ едва не захватилъ принца Евгенія въ Маріенвердерѣ.

Въ концѣ года ни въ Россіи, ни въ Польшѣ, ни даже въ Пруссіи не осталось ни одного француза. Вся кампанія продолжалась 7 мѣсяцевъ и въ этотъ короткій срокъ французская и союзныя арміи прошли 4 или 5 тысячъ верстъ и потеряли 500 т. воиновъ. Честолюбіе, состоянія, таланты Наполеона, опытность его генераловъ и храбрость арміи — все было уничтожено. Только патріотизмъ, энергія, преданность и отвага могли создать такую народную армію, которая заняла первое національное мѣсто въ этой гигантской борьбѣ!

Несчастный переворотъ въ судьбѣ Наполеона предсказывалъ большую переменъ въ европейской политикѣ и удалил отъ него всѣхъ союзниковъ.

Генераль-лейтенантъ Юркъ, командовавшій прусскимъ корпусомъ, соединеннымъ съ войсками Макдональда, былъ первымъ осмѣлившимся дать примѣръ перехода на сторону противника, безъ полномочія на то своего короля (быв-

шаго тогда плѣнникомъ въ Берлинѣ ¹⁾. Онъ покинулъ Макдональда и присоединился къ Витгенштейну, прося, чтобы на него смотрѣли какъ на нейтральнаго и чтобы ему позволили занять зимнія квартиры въ Пруссіи.

Импѣраторъ Александръ, Кутузовъ, Тормасовъ, Витгенштейнъ, Винцигероде, командовавшій корпусомъ, перешли Вислу и вошли въ герцогство Познань. Винцигероде наступилъ и разбилъ корпусъ саксонцевъ, слишкомъ медленно подвигавшійся къ своей границѣ ²⁾.

Это бѣдственное отступление утверждаетъ меня въ томъ мнѣніи, что Чичаговъ одинъ могъ истребить всю армію Наполеона при Березинѣ. Я не преувеличиваю.

Все это доказываетъ теперь, какъ велика была ошибка, совершенная Чичаговымъ и Чаплицемъ при Зембинѣ! не разрушивши мосты, они оба выказали себя одинаково виновными.

¹⁾ Въ Берлинѣ французовъ было очень мало, но все городское управленіе и полиція были въ ихъ рукахъ. Король Пруссіи претерпѣвалъ много затрудненій и, чтобы избѣжать какихъ-либо опасностей, онъ задумалъ бѣжать. Для этого онъ поѣхалъ въ Саксонію; туда же отправился и его обозъ. Но ночью онъ перемѣнилъ дорогу и направился въ Вреславль, куда и прибылъ почти одинъ. Французы узнали объ этомъ уже послѣ его прибытія туда. Эта небрежность не дѣлаетъ чести начальнику французскихъ войскъ, бывшихъ тогда въ Берлинѣ.

²⁾ Мы здѣсь опускаемъ выписки изъ «*mémoires de René Bourgeois*», носящія характеръ лишь личной ненависти къ Наполеону. *Редакт.*